

Сергей Арзуманов Миллиардер

www.megabook.do.am

«Миллиардер»: Бослен; М.; 2007
ISBN 978-5-91187-015-7

Аннотация

Как люди взбираются на крышу мира, какие законы приводят их к успеху? Вопрос, на который нет ответа, ибо нет абсолютных законов удачи и счастья. Мир предан хаосу, и кто завтра взлетит на вершину, не дано знать никому. Случайности, странные обстоятельства, энергия космоса, противоречивые желания и время возносят людей наверх.

Сергей Арзуманов Миллиардер

- А теперь скажи мне, что это ты все время употребляешь слова «добрые люди»? Ты всех, что ли, так называешь?
- Всех, – ответил арстант, – злых людей нет на свете.
- Впервые слышу об этом, – сказал Пилат, усмехнувшись, – но, может быть, я мало знаю жизнь...
- В какой-нибудь из греческих книг ты прочел об этом?
- Нет, я своим умом дошел до этого.

М. Булгаков «Мастер и Маргарита»

Знаете ли вы, что такое миллион долларов? Это граница предельных мечтаний обычного человека. Арифметически точно выверенный предел мечты. А что вы скажете о десяти миллионах долларов на вашем счете? А о ста миллионах долларов? Знаете ли вы, что такое просыпаться с мыслью, что у тебя есть сто миллионов долларов?

Кого сделать богатым в одночасье, а кому не дать шанса высунуть свою голову никогда, судьба решает единолично. И судьбы миллионов переплетаются зависимостью с судьбами избранных.

Автор

Часть I ВОСХОЖДЕНИЕ

E Pluribus Unum
Из многих единое

1

Когда я оглядываюсь на свою жизнь, я понимаю, что родился в том Месте и в то Время. Парад Планет пошел вспять, чтобы вопреки всему мироустройству я взгромоздился на крышу мира, да еще так, что этого почти никто не заметил.

Я всегда был предприимчив настолько, насколько это позволяла советская власть. Умение договариваться, решать вопросы мирно и бесконфликтно помогало моему движению вперед. Я был человек-коммуникатор – связующее звено между людьми разных взглядов и характеров. Я выигрывал на том, что сводил людей, неспособных договориться между собой. Во мне практически отсутствовало чувство стыда, я был не обидчив и развил в себе ценнейшее качество – не показывать удивления, что бы ни произошло.

После школы в 1978 году я поступил в Плехановский институт без особого труда. В 1983-м, после окончания экономического факультета с отличием, я был направлен по распределению в Новомосковск, на комбинат химических полимеров. Пять лет после института прошли спокойно. На комбинате меня все считали за своего, и, к моему удивлению, ни одна интрига меня не коснулась.

Но эти годы мы с Мариной жили впроголодь. Зарплаты всегда не хватало, я занимал у друзей и сослуживцев. Иногда деньги присылали родители. Мы часто с женой мечтали, сидя у телевизора, как я начну получать зарплату начальника и как мы будем откладывать деньги на сберкнижку, и каждый год что-нибудь покупать для семьи. И мы купим ей дубленку, а мне пальто.

Годы и месяцы шли, а я, к моему искреннему удивлению, оставался все также беден. Мой ум не приносил мне дохода. И я начал подозревать подвох, который от меня скрывала власть. Мои мозги, знания и умение договариваться в любых ситуациях – вовсе не гарантия благополучия. Я могу так и остаться в неизвестности и уйти на пенсию с должности замначальника какой-нибудь пронырливой сволочи.

Такая перспектива не привлекала ни меня, ни мою жену.

– Влад, нам нужно перебраться в Москву, – в который раз жена заводила со мной беседу о переезде.

– Мариша, но ведь я жду повышения.

– Ты можешь и не дожидаться, что тогда.

– А я уверен, нужно ждать.

Жена больше ничего не сказала и ушла на кухню. Мы часто заводили этот разговор для самоуспокоения, понимая, что переезд не возможен. Потом жена всегда тихо ложилась спать, а я еще долго бродил по дому и рассматривал свою библиотеку. Я не жалел денег на книги, особенной моей страстью были биографии великих людей.

Я – раб обстоятельств, а они – цари, императоры, предводители, полководцы – вершители судеб. Как далека моя жизнь от их жизни. Как ничтожен каждый мой день по сравнению с их делами...

Я женился на красивой и по странному стечению обстоятельств умной и обаятельной девушке, которая родила мне дочь и сына. Мы жили мирно и счастливо. Но мир вокруг нас начал меняться. Молодые и предприимчивые инженеры бросали сдыхающие заводы и уходили без оглядки в бизнес. Тогда не было страха, была только дерзкая мечта разбогатеть и затмить мир своим богатством. К началу 1992 года наш завод покинули все, кому было меньше сорока. Остался я один.

Марина постоянно заводила разговоры о том, что и мне пора уйти с завода и начать свое дело. Но я не поддавался, интуиция подсказывала мне, что грандиозные перемены застигнут меня именно здесь, на родном заводе.

Я пересидел всю перестройку. К началу 1991 года мы были банкротами. Продукция лежала не отгруженной на складах и под открытым небом. Спасались мы тем, что выпускали

полиэтиленовые пакеты для магазинов.

К концу 1991 года завод стал выходить из кризиса исключительно за счет пакетов. Начали поступать заказы на пакеты с эмблемами и рекламой. Я стал главным дизайнером, разработчиком и маркетологом.

В начале 1992 года меня наконец утвердили в должности заместителя генерального директора. Карьера по советским меркам сногшибательная. В тридцать два года я второй человек на крупном заводе. Директор уже далеко пенсионного возраста, и через два-три года я вполне смогу занять его место. Зарплата моя выросла в два раза, и летом мы с семьей поехали в Сочи в правительственный санаторий «Россия».

Мои бывшие одноклассники уже зарабатывали неденоминированные миллионы и покупали себе «мерседесы» и банки. Волшебное время вседозволенности, когда все зарабатывали на всех и никто не был в проигрыше. Как это получалось, теперь уже не ясно. Но тогда казалось, что так будет всегда. Умный и предприимчивый поведет за собой глупых и наивных. Волшебное время вселенского бизнеса, бирж, акций, ваучеров, проходимцев, авантюристов, идеалистов и брокеров.

В том же, 1992 году по протекции директора я попал в президентскую программу по обучению молодых российских руководителей за границей и на год уехал в Голландию. В Гаагском институте всемирного менеджмента я обнаружил две стороны одной странной медали. Наше советское образование оказалось лучше всех, но языковая подготовка хуже всех.

На те гроши, что мне платили в виде стипендии, я нанял преподавателя английского и французского. Уже через месяц занятий я понял главное: два этих языка есть фактически одно и то же, только с разным произношением. Я овладел обоими языками за полгода и первый семестр магистратуры сдал на «отлично».

Уже через две недели обучения я оказался в постели с боливийкой, которая училась со мной в одной группе. По мне пронесся ураган латиноамериканской страсти и южноамериканского умения. Мне открылась такая правда, от которой чуть не повредились мозги. К тридцати двум годам своей жизни я познал больше тридцати женщин и был уверен, что знаю многое. Но то, что творила в постели Изабель, повергло меня в шок. Я понял, что средневропейская женщина знает о сексе столько же, сколько бельгиец о потенциальных последствиях спирта двойной очистки в морозную ночь близ Диканьки.

Там, в Нидерландах, я купил себе первый дорогой костюм, двубортный «Черутти» за триста долларов. Тогда для меня это имя ничего не значило. Я просто понял, что костюм мне нравится, и купил его. Это были последние деньги, но в новой нарождающейся экономике России этот костюм должен был окупиться тысячу раз.

Несколько лет спустя я стал владельцем маленького ателье на аристократической окраине Милана. Ателье оказалось в моих руках по странному стечению обстоятельств. Мне срочно понадобился фрак для приема в честь русских ученых-физиков, который устраивал Нобелевский комитет в королевском дворце Стокгольма.

Новость застала меня в Милане вечером. «Сесна» уже была арендована на семь утра. На фрак – всего одна ночь. Я нашел старую тэйлорскую мастерскую. Заносчивый владелец, разбуженный мной, сообщил, что сам Папа не позволил бы себе такой наглости и дождался бы утра. То, что я оказался русским, его не удивило, эти русские бесцеремонны и нахальны. Однако за пятьдесят тысяч долларов он сошьет мне фрак, подняв с постели всю свою мастерскую.

Он полагал, видимо, вызвать у меня удивление, но к тому времени я уже стал воспринимать деньги как безотказный инструмент воздействия на человека и их количество меня мало волновало. Однако я все же заинтересовался, почему фраки так дороги нынче, пусть и по ночному тарифу. На что он сообщил мне, что ночной тариф здесь ни при чем. Ателье его в закладе, дела идут из рук вон плохо, молодые и энергичные модельеры шьют костюмы-fusion, которые носит молодежь, а истинные джентльмены куда-то исчезли. Он должен банку пятьдесят тысяч долларов, и раз сумасшедшему русскому нужен фрак ночью, есть шанс покрыть свои долги. Ситуация оказалась сложной. Меня однозначно загнали в угол, но из этого

угла я должен выйти с еще большим достоинством, чем я туда зашел.

В голове мелькнула шальная мысль, которая принесла радость, и я сразу же предложил выкупить мастерскую. Как человек очень русской души, я заплатил не пятьдесят, а двести пятьдесят тысяч долларов и стал владельцем ателье.

Хозяин бурно оживился и сказал, что это его лучшая ночь со времен брачной. Он пустился в воспоминания о былой Европе и джентльменах, населявших ее каких-нибудь тридцать лет назад. Он да же вознаградил меня самым мощным своим комплиментом, сказав, что раньше он встречал только одного такого Великого клиента – Онассиса. Тому тоже срочно понадобился смокинг, за который он расплатился золотом.

Сегодня мой гардероб только в амстердамском особняке вмещает более ста костюмов. Но тогда в Голландии мой первый костюм от-кутюр был для меня сокровищем, согревавшим душу. Помню, как я с сожалением осмотрел сорочку «Ланвин» и галстук «Смальто» и вернулся домой на завод, мечтая когда-нибудь ни в чем себе не отказывать.

Дома меня встретили с восторгом. Друзья шли к нам в двухкомнатную квартиру в течение двух недель. Я рассказывал всем одно и то же, только в разных картинах. Потом с женой, лежа в постели, мы мечтали о простом человеческом счастье. Большая квартира, подержанная иномарка, дети – в МГУ, мы – на Черном море...

2

Сегодня дети – в Кембридже, у меня – свой самолет и собственный остров в океане. Необитаемый остров я купил у голландца Ульриха Ван Гога. Он запутался в долгах и продал мне свой остров гораздо дешевле его рыночной стоимости. Небольшой атолл на Антильских островах, недалеко от Кюрасао.

Сегодня мой любимый модельер – Van Noten, у которого я делаю заказов на сто тысяч долларов в год. Я ношу часы «Магеллан 1521», играю в поло на слонах в Непале и коллекционирую вина столетней давности.

Мы никогда об этом не мечтали, мы просто не успели об этом помечтать. Это стало реальностью так быстро, что у меня рябило в глазах от дикой синевы океана, омывающего мой остров. То, что нечеловеческое счастье свалится на меня уже через три года, мы не могли представить в самой смелой и авантюрной части нашего коллективного семейного разума.

Став обладателем нескольких десятков килограммов ценной, аккуратно нарезанной, плотной, приятной на ощупь бумаги, я обнаружил, что одни часы, один автомобиль и большая квартира не есть предел мечтаний. Много часов, много машин и много домов – лишь старт в гонке тщеславия и безмерного наслаждения.

Механизмы богатства запустили жернова другой жизни. и огонь мечтаний разгорается с бешеной, неудержимой силой.

Сейчас, оглядываясь назад, я удивляюсь, как мы сохранили человеческое лицо в эпоху всеобщей жестокости и подлости. Нашему директору в 1993 году исполнилось восемьдесят лет, и он добровольно ушел, передав завод мне по старой коммунистической традиции. В тридцать три года я стал генеральным директором крупнейшего завода Московской области.

Никаких интриг и заговоров, чистый династический переход власти от короля к наследнику. Ни одна криминальная разборка не коснулась нас. Мы оказались маленьким государством в государстве, которое никто не заметил. Система отношений на заводе позволяла решать все спорные вопросы внутри коллектива. Так криминал просто не попал к нам.

Началась приватизация. Мы превратились в акционерное общество. По требованию правительства завод провел акционирование, и крупнейшим акционером стал я. Я получил 28,5 % акций комбината из ничего, из посткоммунистического воздуха, из холостой идеи зарождающегося капитализма.

Уже на первые дивиденды я купил себе первую иномарку, «ауди 80», 1991 года выпуска. Это было моим главным достижением того года. Я еще позволял себе мыслить о счастье только советскими стандартами. Иномарка, квартира, дача, сберкнижка. Как скоро это станет лишь мелочью. Мелочью в жизни Больших Людей.

Мы так хорошо прожили первую половину девяностых на полиэтиленовых пакетах, что не заметили бурь и катастроф того времени. Впитавший дух истинных ленинцев, я считал верным и единственно правильным платить людям хорошую зарплату и сохранять завод.

Рабочие получали по четыреста-шестьсот долларов в месяц. К концу 1997 года я скупил акции всех желающих и стал хозяином завода. Почти 80 % акций в одних руках. Рынок полиэтиленовых пакетов стал бурно расти, и появилось много конкурентов, в том числе и иностранных. Мы начали терять рынки. Нужен был новый передовой продукт. Продукт-флагман.

И я нашел золотую жилу. Изобретение офисного века – файловая папка. Цена в три раза выше себестоимости. Эльдорадо, которое не снилось ни Колумбу, ни Кортесу.

Развитие офисной культуры, появление стабильных оборотов в бизнесе породили бум офисной канцелярии. Россия, как это и принято в стране нарождающегося капитализма, где видимость бизнеса важнее самого бизнеса, потребляла офисных папок в 7 раз больше, чем США.

Даже самая захудалая бумажка, по мнению россиян, приобретала респектабельный вид, если она помещалась в файловую папку. Желание буквально каждый документ обратить в полиэтиленовое покрытие привело к тому, что российский рынок рос на 40 % каждый год.

Почти 70 % доходов моего предприятия давали продажи внутри страны. Я мог бы обойтись и без зарубежных рынков, но меня манила перспектива всемирного контроля над офисами. Сама идея, что моими папками будут швыряться на Пятой авеню или в Силиконовой долине, приводила меня в экстаз.

Мы поставляем наши папки в двадцать пять стран мира. Мы продаем восемь с половиной миллиардов папок в год. Позже мы запустили в производство еще несколько продуктов, основанных на той же файловой папке, – офисная папка с 12, 20 и 45 файлами, визитницы и файловые блоки.

А уже через год мы стали полноценной компанией, производящей большой спектр канцелярской продукции. На пустующих площадях завода я развернул широкомасштабное производство офисной канцелярии. Но со временем моей особенной гордостью стало производство ежедневников. Вслед за простой файловой папкой ежедневники стали хитом продаж. Каждый уважающий себя бизнесмен заводил себе солидный, пухлый кожаный органайзер. Его наличие укрепляло деловую репутацию бизнесмена, демонстрируя солидность и занятость, даже если внутри не было ни одной записи.

Со временем производство и сбыт наладились до совершенства. И однажды, сидя в кабинете, я ясно понял, что мне нечего делать в этом кабинете. Все работает и без меня. Я свободен, свободен творить жизнь и менять мир, как мне хочется.

Когда я осознал, что я стал миллионером, я был счастлив, как мне казалось, навсегда. В Эпоху всемирного стяжательства я достиг вершин общества, выполнив заветы коммерческих богов американской цивилизации. Я гражданин мира, глобалист, звено мирового бизнес-сообщества, важнейший элемент демократии.

И тут я обнаружил главную привилегию действительно богатого человека – свободу. Свободу передвижения, возможность путешествовать по всему миру. Занудливым англичанам эта истина открылась давно. Они считали, что лучшее лекарство от тоски и скуки для аристократа – это кругосветное путешествие. Именно возможность поехать туда, куда тебе хочется, и есть главное богатство человека. Наша размеренная, однообразная, каждодневная жизнь так убога и бедна перед роскошью нашего мира.

Я стал путешествовать по самым удивительным и загадочным местам земли: пирамида Хеопса, Мачу Пикчу в Андах, Фивы в Египте, Теоуакан в Мексике, Стоунхендж в Англии, полуразрушенные замки Шотландии и уцелевшие замки Франции, разрушающийся Анкгор-Ват в Камбодже и величественный Боробудур в Индонезии, Лхаса в Тибете и загадочные великаны на острове Пасхи.

Я начал открытие мира с пирамид. Я грезил Египтом, пирамидами, фараонами и гробницами, как и многие подростки в мое время. Визит в страну фараонов я представлял как

верх везения советского человека. Теперь Египет стал дешевым туристским направлением, и я могу изучать пирамиды месяцами. Я как раз разобрал приобретенные в очередной поездке по Египту древности, когда мои мысли прервали телефонные звонки. Три сотовых телефона разрываются мелодиями. На всех мои топ-менеджеры.

– Алло, что случилось? – спрашиваю я.

– Владлен Григорьевич, в Юго-Восточной Азии цунами. Смыло завод «Два льва». Нам звонили из Берлина и Цюриха с предложениями о поставках.

– Сколько им надо.

– Боюсь, много.

– Бояться не надо, сколько.

– Один миллиард штук.

Такого я и правда не ожидал. Один миллиард файловых папок в течение двух-трех месяцев. Это сразу еще один завод. Но азиаты быстро восстановятся. Пока я куплю завод и запущу линии, они уже вернут свои мощности. Так, эту ситуацию нужно серьезно обдумать.

Не успел я подумать, как через несколько дней после цунами получил посылку от азиатских конкурентов. Ящик французского бордо урожая 1811 года. Жуткая редкость. Кейс стоит не менее ста тысяч евро. Роскошный подарок. Расчет на то, что я не буду запускать новые мощности.

Мои друзья, знакомые, деловые партнеры и клиенты знают мою страсть к вину. Год назад меня безоговорочно приняли в закрытый элитный винный клуб «Рыцарей вина», когда я на очередной симпозиум клуба выставил два ящика «Муската красного камня» знаменитой крымской Массандры урожая 1939 года.

3

Сегодня у меня назначена встреча с Валерием Узрамаевым. Очень интересный господин, занимающийся, как и я, офисной канцелярией. Он пригласил меня на деловой обед, который мы непринужденно начали с шампанского. Он подчеркнуто изыскан, зная мою тягу к вину. Он еле выдержал шампанское, «эту кислятину». Он терпит, потому что бутылка «Кристалла» – это этикет и правило, а он чтит правила как пропуск в высший свет. Мы выпиваем бутылку, потом чрезмерно обильный мясной ужин заливаем красным бордо преклонных годов. Переходим в сигарную комнату, где нас ждут бокалы с коньяком «Луи Трез» и никарагуанские сигары.

– Я слушаю вас, барон, – сказал я, – когда мы перешли в сигарную комнату.

Я нарочито назвал его бароном, зная, что он поймет мой намек. Он купил титул барона во Франции за три тысячи евро, пожалев, однако, на титул графа, который стоил в три раза дороже. В Европе давно торгуют титулами направо и налево обедневшие аристократы.

Но и титул барона Узрамаев купил не ради развлечения. Один знатный европейский астролог после долгих изысканий сообщил ему, крупному российскому бизнесмену, что он является тридцать пятым воплощением фараона Тутмоса Третьего на Земле.

Узрамаев плохо разобрался в династиях Древнего Египта и решил, что этот самый Тутмос есть самый главный из всех египетских фараонов, живших когда-либо. Чтобы хоть как-то узаконить свой новый необычный статус в окружающем пространстве, он и купил наследственный титул барона.

Да, чтобы было понятно, Валерий Узрамаев – мой главный конкурент в бизнесе. Вернее, это я его главный конкурент. Его завод имеет мощности в два раза больше моих, но они простаивают. Его рынки сбыта в эти же два раза меньше моих. Его завод находится в Новоуральске, мой – в Новомосковске. Он не очень жалуется на меня, я отношусь к нему как лишь еще к одному человеку на моем пути. Никаких особенных чувств, скорее всего равнодушные.

Он жаден до безумия, до паранойи. Бросил свою первую жену с двумя детьми ради молодой шлюхи и практически отказался от их содержания. Вот все, что мне о нем известно.

Правда, год назад одна из его любовниц, оставленная им без средств к существованию, прибежала ко мне за помощью. Она рассказала, какой Узрамаев подлец, и сообщила, что у нее есть тайна, которая разрушит его карьеру, и она, естественно, готова поделиться со мной этой

тайной, но не бескорыстно. Я сразу обнадежил девушку, сообщив ей, что меня чужие тайны не интересуют. Видимо, я сказал это таким тоном, что у нее не осталось сомнений – ее тайна ничего не стоит. И через минуту она захлеб выдала все, что знала. Оказывается, Валерий заставлял ее заниматься с ним сексом, будучи облаченным в доспехи рыцарей средневековья. Меня это не удивило – наверное, подобным образом он утверждался в роли барона.

Мы вернулись к разговору.

– Я буду краток, с вашего позволения, и сразу перейду к делу, – еле слышно произнес Узрамаев после затянувшейся паузы.

– Хорошо, – сказал я.

– Я хотел предложить вам на рассмотрение проект нашего совместного бизнеса. Я хочу предложить объединить наши бизнесы в один. Создать одну компанию, где вы будете президентом, а я исполнительным директором. Я понимаю, что предложение неожиданное и на первый взгляд в нем больше заинтересован я, а не вы, но все же посмотрите бизнес-план и подумайте над моими аргументами, может быть, они будут для вас интересны.

– Не думаю, что мне это интересно, но давайте я взгляну.

Он передал мне бизнес-план. Пухлая пачка бумаги. Я бегло ее просмотрел, сделал заинтересованное выражение лица, и через минуту мы расстались. Предложение, конечно, оказалось для меня неожиданным и странным. Первым делом надо было бы поинтересоваться, зачем Узрамаеву понадобилось объединять наши бизнесы. Хотя мне это неинтересно. Бредовая идея конкурента, жаждущего еще больше денег, не более того.

Для меня деньги давно не имеют значения. Деньги дают свободу. Но главная свобода, которую дают большие деньги, – это свобода от денег. Вы просто перестаете их чувствовать. Порога болезненных растрат не существует. Никакая цена ни на что не способна вас удивить. Нет желания, на которое мой банковский счет скажет – нет. Чувство вседозволенности раскрывается молниеносно, и этого беса нужно держать в узде.

Я независим от денег, и это чувство независимости – важнейший элемент богатства. Когда вы смотрите на них, на ровно нарезанные листки красивой бумаги, вы видите истину, как на скрытой голограмме.

Необходимо сохранять независимость сознания от денег. Они все, и они ничего, роман с деньгами, где ты должен быть только сверху. Не дать поработить себя, играть с ними так, чтобы в момент банкротства уже грезить о финансовом могуществе.

Добыча и сохранение денег – это наше главное занятие в жизни. Все остальные хобби второстепенны и зависят от первого. Разные общества, правители и правительства то ограничивали это стремление человека, то разрешали ему обогащаться почти бесконтрольно. Всю жизнь мы добываем деньги, храним, тратим, дарим, получаем, оставляем в наследство, теряем и мечтаем о времени, когда их будет хватать всегда и на все.

4

Как член высшего общества ответственно заявляю, что такого понятия, как «высшее общество», – уже давно нет на карте мира. Оно разделено странами и кланами. Новые русские – это такое пестрое понятие, которое включает в себя людей с разных планет: от академика, ушедшего в бизнес, до человека без образования с неясным криминальным прошлым и весьма туманной кредитной историей. Одни любят слушать вымирающие камерные оркестры Европы, другие – рев толпы где-нибудь в западной Англии на футбольном матче.

Европейские аристократы вообще скрытны и, как заговорщики, собираются в пустынных землях и полуразрушенных замках, не принимая в свои братства чужих. Американские миллиардеры разношерстны и пестры, как перуанские нищие.

Однако остались, остались еще места, где можно встретить нас всех вместе. Одно из таких мест – показы мод. Я приезжаю на показы только в Италию, в Милан. Французская мода давно состарилась и работает сама для себя. Итальянцы динамичнее и тонко чувствуют перемены вкуса.

На одном из миланских показов я познакомился с Габриэлой Фризанти. Роскошная флорентийка, со смуглой кожей и пылающими губами. Сдержанная на публике и ненасытная в постели. Она говорила мне, что, наверное, сам черт поселился у нее между ног.

– О, Влади, – она делала ударение на вторую гласную, как французы, – ты должен был родиться итальянцем.

– Почему, мои шер.

Она неистово закатила глаза и тихо прошептала:

– Потому что ты весь соткан из итальянских удовольствий – вино, еда, машины, мода, секс.

– Да, но французы тоже любят все это.

– Конечно, но о сексе они предпочитают больше говорить, а я люблю настоящие удовольствия.

Да, она требовала удовольствий, но и сама щедро одаривала мужчину самыми изысканными наслаждениями. Очень редкий вид женщины в сегодняшнем мире. Утром я всегда с упоением смотрю на ее длинные прямые черные густые волосы, разбросанные по плечам и груди.

У нее две страсти – Флоренция, ее родной город, и итальянское вино. Флоренция – музей под открытым небом, который она изучала неистово, все его сокровища, дворцы, картины, статуи. Вино – только итальянское. Наши страсти совпали, и потому мы стали очень близки.

Так и сегодня нас ждала душная ночь с оргазмом южных ароматов и сладкая любовь. Потом, утром, мы едем к «Булгари» и я покупаю ей рубиновое кольцо. Мой «Ламборджини» ревет на двухсоткилометровой отметке. Я включаю Вагнера «Полет Валькирий», и мы уносимся с Габриэлой на север Италии.

У нас, у небожителей, есть излюбленные места отдыха, о которых не знают простые люди. В основном мы предпочитаем старушку Европу. Озеро Гарда на севере Италии, где плотность миллионеров и миллиардеров на один квадратный метр просто ужасает. Сардиния, которую итальянцы так и называют «остров миллионеров». Здесь вообще высаживаться опасно, не дай бог, затопчете, чью-нибудь частную травку. А остатки нашего высшего общества обитают в районе Женевского озера.

Как видно, мы любим маленькие озера и небольшие острова. Хотя я как русский предпочитаю безмятежные, необитаемые острова Антильской гряды, у меня тоже есть поместье на Сардинии, которое купила моя жена. Она еще в школе изучала итальянский язык и мечтала иметь загородную дачу в Италии. Я сделал ей такой подарок на тридцатипятилетие.

Европа для меня, как детский калейдоскоп, прекрасный и непредсказуемый в каждом своем движении. После зноя Италии я люблю всепроникающие ветры Шотландии. Еще с детства у меня осталось особенно восторженное отношение к Шотландии благодаря романам Стивенсона. Шотландия представлялась мне краем мрачных и величественных замков, где текли реки из виски и вересковые поля простирались до горизонта.

Поэтому пару раз в году я приезжаю в Westin Turnberry Resort, чтобы восстановить тело и душу и почувствовать себя настоящим шотландцем. «Тенберри» находится прямо на океанском побережье, недалеко от Глазго. Главная достопримечательность здесь – скука.

Да, да скука, тишина, покой – это лекарство для измученных топ-менеджеров и простых миллионеров со всех концов света.

Неимоверная, изнуряющая скука, но ведь я за ней и приехал, как и все остальные. Лениость настолько проникает в мышцы и мысли, что ты перестаешь ощущать себя деятельным человеком и превращаешься в инфузорию.

Правда, в отеле есть забавный обычай, оживляющий присутствующих. После шести часов вдоль фасада проходит волынщик, и звуки его инструмента означают, что наступает время вечера, время развлечений и вредных привычек.

Отель начинает гудеть, я надеваю, свой килт и до двух часов ночи брожу от одной компании приятных джентльменов к другой, не вынимая сигару, с бокалом виски. Так я могу выдержать два-три дня, а потом сбегать в Лондон. Пару часов уходит на поиск спутницы, и мы отправляемся в Nobu. Более гламурное место трудно найти во всем Соединенном Королевстве.

Меня всегда сопровождают азиатки или негритянки – люблю экзотику. Мы отправляемся есть черную треску и вяленые помидоры.

Потом уже на другом конце Земли я продолжаю веселье. Варадеро оглушителен и разнуздан. Еле вылупившиеся в женщин кубинские девственницы ищут место и время, чтобы расстаться с невинностью, ибо здесь она никому не нужна.

Любовь плюс социализм – вот рецепт коммунизма на Кубе. Энергия любви важнее для всеобщего счастья, чем энергия света и тепла. Здесь тепло и свет дает природа, и, значит, главное, что нужно для счастья, – это любовь на песке на ночном Варадеро в бликах умирающей луны.

Так однажды я начал коллекционировать женщин, как картины. Я поставил себе цель переспать с женщинами всех существующих на свете национальностей. До моего миллионерства, т. е. до тридцати пяти лет я переспал с сорока тремя женщинами. Да именно и точно с сорока тремя.

Каждый мужчина помнит всех своих женщин и ведет им свой счет. Никогда не верьте заявлениям типа: у меня их столько было, что и не упомяну, а уж имена и подавно. Жалкий, жалкий бред.

Он помнит всех, каждую. Ведь это его богатство, это его утешение, это его победы. Как можно забыть победы. Это главная награда, смысл бытия, удовлетворение от собственного существования. Мужчина тысячи раз перебирает имена покоренных женщин, собирает их и разбрасывает во времени, тешит себя завоеваниями и мечтает о новых.

И однажды количество переходит в качество. Ты уже безошибочно знаешь, как уложить ее в постель. Трофеи растут, множатся и классифицируются. Мы вспоминаем о них, когда нам грустно, – ведь я смог, я овладел, я завоевал.

Я не веду спортивного счета женщинам. У меня нет такой цели. Одни романы заканчиваются одной ночью, другие могут длиться больше года. Но все чаще на моем пути попадают корыстные, пустые женщины.

Русские модели, зарабатывающие в год более миллиона долларов, все равно быстро очаровываются свежесвылупленными миллионерами со своей же родины. Более капризных и беспринципных женщин мне не приходилось встречать нигде. Под маской респектабельности всегда скрывается высокооплачиваемая гейша, постоянно стремящаяся к совокуплению с сильными мира сего.

Тело богатого человека постоянно требует новых удовольствий. Последние годы я предпочитаю развлекать себя хорошими ресторанами. Причем географическое положение ресторана не имеет значения. В этом есть свой кайф: поужинать в Берлине и лечь спать дома в Москве. Мое последнее гастрономическое открытие – ресторан «El Bulli». Он находится у черта на куличках, в испанских нагорьях, в двух часах езды на спорткаре от Барселоны. Здесь ужин превращается в перфоманс. В ресторане открытая кухня, и из-за столика виден весь процесс приготовления.

Шеф-повар ресторана родом из Трмонтаны, города, где родился Дали. Поэтому кухня такая же сумасшедшая, как и картины самого Дали. Сюрреализм в тарелке приобретает почти реальные формы. Превыше всего я ставлю куропатку, в которой нет мяса собственно куропатки, она начиняется мясом лобстера, а соус к этому блюду приготовлен на морской воде.

Так незаметно для себя я начал погрязать в роскоши и удовольствиях. Удовольствия лились как из рога изобилия. Жизнь превращалась в абсолютный праздник, вечный и прекрасный. День перетекал в ночь и снова рождался утром, и только удовольствия наполняли жизнь.

Города мира проносились бесцветной радугой. Париж уже не радует, Нью-Йорк на обед. Милан – бутки мелькают больными огнями. Сидней скучен, Лондон почти банален.

Люди кружат вокруг меня, стараясь обратить на себя внимание. Все эти роскошные блондинки с длинными прямыми волосами и идеально очерченными губами переходят тебе дорогу так, чтобы их было хорошо видно.

Какие-то люди постоянно предлагают мне слетать в космос для развлечения, но восторга эта идея у меня не вызывает. Куда интереснее гонять на «ягуаре» по бретонским пескам. В моем гараже стоят десятки роскошных машин. Я покупал и покупаю все машины, которые мне

нравятся.

У меня внушительная коллекция авто. Машину я всегда выбираю по настроению. Когда у меня сексуальное настроение, я беру желтый «Ламборджини». Когда встреча с девушкой в первый раз, – «мерседес» от «Макларен» – он внушителен и раскован. Чтобы сразить партнера или конкурента, я приезжаю на «мэйбахе», а когда я инкогнито выезжаю в ночной город, я беру «альфа-ромео».

Иногда глубоким утром из окна отеля в Риме или Вене, я наблюдаю за суетливой спешкой людей, стремящихся на свои рабочие места. С тяжелыми лицами и нестираемой маской вечной заботы о своем будущем.

А я вчера вечером просадил с друзьями почти двести тысяч долларов в ресторане, стрип-баре и, кажется, в казино. Эти люди, снующие внизу, продали бы душу и все последующие свои жизни только бы иметь эти двести тысяч в этой Жизни. А я распылил их по миру без сожаления и уже почти без удовольствия.

Мои разум и тело постоянно требуют новых ощущений – необычных, шокирующих, ярких, таких, которые бывают редко и не со всеми. И судьба, внимая моим желаниям, уже готовила для меня особое, изысканное угощение.

5

Раз в году мы с женой и детьми отдыхаем в своем поместье на Сардинии. В прошлом году мы неожиданно получили приглашение на закрытую вечеринку «а ля рюс». Мы с Мариной были удивлены этим приглашением, так как вели затворнический образ жизни и ни с кем на острове не поддерживали дружеских отношений. Приглашение нас озадачило, но из чистого любопытства мы решили его принять.

В палаццо семнадцатого века в восемь вечера нас встречал дворецкий в костюме эпохи Возрождения. Нас никто не спросил о приглашении, что меня немало удивило, и мы через минуту оказались во внутреннем дворике дворца. Мы пребывали в неведении больше часа, как вдруг я увидел знакомое лицо. Это был Валерий Узрамаев собственной персоной.

Интересно, подумал я, а этого сюда как занесло. Он быстро подошел к нам и без удивления спросил:

– И вы здесь?

– Да, – ответил я сухо.

– Очень хорошо, а вы уже успели поприветствовать хозяина?

– Нет, – сказал я, – мы понятия не имеем, кто здесь хозяин.

– Жаль, – тихо сказал Узрамаев, – ну тогда хотя бы познакомь меня с женой.

– Марина, – это господин Узрамаев, – сказал я.

– Очень приятно, – ответил Валерий.

– Взаимно, – сказала Марина.

Воцарилась глупая тишина.

– Как вы здесь оказались? – спросил Валерий.

– Толком не знаю, – сказал я, – получили приглашение.

Узрамаев кивнул головой и заговорщически отвел глаза в сторону.

– А вы знакомы с хозяином? – спросил я.

Валерий как будто проигнорировал мой вопрос и ответил что-то неопределенное:

– Да странно, я тоже получил безымянное приглашение, возможно, какой-нибудь наш олигарх собирает соотечественников.

– Может быть, но я нигде не вижу этого олигарха.

– Да я тоже, – сказал Узрамаев, – хотя угощения царские.

Больше как будто говорить было не о чем, и Узрамаев удалился. Меня эта «случайная» встреча и непонятная вечеринка сильно насторожили. Особенно странным было отсутствие хозяина дома и то, что это никак не смущало веселившихся вокруг нас людей.

Через полчаса мы с Мариной решили покинуть дворец, прошли через внутреннюю парадную и очутились во дворике с фонтаном. Здесь в центре фонтана стояла ледяная статуя Бахуса, из которой хлестало «Фалерно». Рядом каскадом на серебряных блюдах была

разложена севрюжья икра. Полуобнаженные вакханки разносили гостям вино и сладости. Мы попытались покинуть дворик через задние ворота, но они оказались заперты. Вернулись к парадным воротам, но и они оказались на замке. Я начал нервничать и бессмысленно ходить взад-вперед около ворот. Мое поведение, видимо, привлекло внимание метрдотеля, который неизвестно откуда вдруг появился перед моим носом.

– Извините, сэр, вы хотите покинуть дворец?

– Да и немедленно.

– Но ведь еще не было главного действия.

– Боюсь, оно нам не понадобится, – сказал я настойчиво, даже не вникнув в слова метрдотеля.

– Хорошо, сэр, как пожелаете, – и он быстро открыл ворота.

Уже за воротами меня разобрало любопытство, но было поздно, и мы вернулись домой. На следующий день я уехал в Амстердам, а жена с детьми остались в Италии.

В Амстердаме находится мой главный офис, а сам я живу в замке, который располагается в предместье голландской столицы. Когда я купил замок, мне в доверок достался наследственный титул графа. Мой замок похож на огромный музей, коллекции которого ломаются от картин, гобеленов, старинной мебели и скульптур. Я комфортно и уютно чувствую себя в окружении барокко и готики. Но скоро меня ждет новая готика – Нью-Йорк.

Я давно задумал полномасштабное наступление на американский рынок и хотел обсудить с Найджелом, моим агентом в Новом Свете, организацию дистрибьюторской сети.

Через неделю я вылетаю из Амстердама в Нью-Йорк на своей «Сесне». Над Атлантикой глубокой ночью я почувствовал мощный толчок. Я всегда сплю в самолете сидя. Мне предлагали оборудовать самолет кроватью, но я не могу спать лежа в небе. Я установил в салоне кожаное кресло «Конрад», в котором поместился бы и слон.

После толчка я резко почувствовал, как падаю в пропасть, и тут же проснулся.

– Сэм, что происходит? – спросил я.

Ответа не последовало.

– Сэм, – заорал я, – где ты?

– Да здесь я, сэр.

– Что происходит?

– Мы теряем высоту, я не знаю, в чем дело, что-то с топливной системой. Топливо не доходит до двигателей. Сколько раз я говорил вам, шеф, что на таком самолете нельзя перелетать океан, купили бы «Дуглас», моя смерть будет на вашей совести, сэр, а у меня трое детей.

– Спокойно, Сэмми, умирать еще рано.

Самолет начал выравниваться, прошло, кажется, полминуты. Потом опять нас бросило в воздушную яму, да так, что я почувствовал сердцебиение у себя во рту. Самолет то взлетал вверх, то опять проваливался в яму.

Мы чудом дотянули до Нью-Йорка. Самолет совершил аварийную посадку, и его загнали в ангар для технического осмотра. Специалисты обнаружили странную поломку. Провода подачи топлива имели несколько надрезов, но настолько филигранных, что их почти не было видно. Мой самолет чудом не свалился на землю. Давление в проводах скакало с бешеной силой, то нагоняя топливо в мотор, то ограничивая его поступление.

– Вы проверяли самолет перед вылетом? – спросил меня американский механик.

– Нет, – ответил я, – он стоит на моем частном аэродроме, и проверки только плановые.

– Значит, кто-то пробрался на ваш частный аэродром и порезал провода подачи топлива.

– Не может быть, – сказал я, изобразив на лице стоическую уверенность, хотя сам уже не был уверен ни в чем.

– Может, – сказал механик, – поверьте мне, сэр.

– Да, сэр, все может быть, – сказал мой летчик.

После этого случая я приказал выставить охрану возле ангаров. Я пошел на эту меру, прекрасно понимая, что действовать надо было раньше, но так мне было спокойнее.

Именно с этого момента я ощутил, что кто-то дышит мне в спину. Первая мысль –

конкуренты. Но кто? Азиаты, европейцы, американцы. Такие методы борьбы, как порча самолетов, не характерны для цивилизованных людей. На западе тебя вытолкнут с рынков квотами, ограничениями, торговыми войнами. А здесь налицо угроза, предупреждение, запугивание. Если бы меня хотели убрать, перерезали бы провода и все. Да, дело очень странное.

Вечером, после приземления в Нью-Йорке, я решил расслабиться и забрел в «Caviar bar». Сел за самый дальний столик и заказал водки и икры.

Была середина недели, и бар оказался почти пуст. За стойкой я заметил беспокойного господина, который широко размахивал руками и постоянно что-то требовал от бармена. Я выпил водки, съел пару ложек икры и начал размышлять, что мне делать дальше. Я должен был как-то отреагировать на то, что случилось с моим самолетом. Нужно немедленно что-то предпринять.

Через полчаса размышлений я заметил, что в баре остались только двое: я и беспокойный господин, который на русском языке пытался общаться «по душам» с барменом. Ну, так я и думал, я сразу заметил, что беспокойство у него было какое-то родное.

Еще через какое-то время русский взял бутылку и, не найдя в бармене собеседника, направился к моему столу. В баре был полумрак, и я разглядел его лицо только тогда, когда он сел рядом со мной. Каково же было мое удивление, когда я увидел знакомое лицо – это был Виталий, мой одноклассник из Плехановки.

Встреча меня не удивила. Нью-Йорк давно кишит успешными русскими. Нахождение в этом городе совсем кружит им голову, и они все встречают вас взглядом, в котором настойчиво читается: «The world is mine».

Типично русское заблуждение, наивное и самонадеянное. Любой пьяница в нью-йоркском пабе будет уверен, что вечер крутится вокруг него, если он угостит виски всех посетителей. Благодарности окружающих хватит минут на пять, а потом все позабудут про него.

Виталий, в свою очередь, тоже был сильно удивлен и первые пятнадцать минут только и повторял: «Не, ну как такое возможно». Он уже сильно выпил, и его тянуло на разговор. Он тут же сообщил мне, что имеет серьезный бизнес в Штатах. Он владел лесопилкой в Дэнвере, которая ему досталась каким-то чудом от хозяина за многие труды. Он воплощал в себе «американское счастье» и жутко гордился своим успехом.

– Влад, а ты чем зарабатываешь на жизнь? – спросил он.

Вопрос был очень русским. В Америке обычно спрашивают, какой у тебя бизнес. Такой вопрос очень деликатен, и на него не обязательно отвечать определенно. И только русский может спросить конкретно и нагло – чем зарабатываешь на жизнь.

У меня совершенно не было желания рассказывать ему о своем олигархическом прошлом, особенно после аварийной посадки моего самолета. Для таких случаев у меня был заготовлен дежурный ответ:

– Я эксперт ООН по вопросам организации бизнес-процессов в странах, ставших на путь капиталистической экономики.

Виталий сделал вид, что переварил мои слова, но по взгляду было хорошо видно, что он так и не понял, хорошо ли я зарабатываю. В Америке словосочетание «хорошо зарабатывать» означает, что вы получаете хотя бы не менее пятидесяти тысяч долларов в год.

– А свой бизнес у тебя есть? – спросил Виталий.

– Нет, – с поддельным сожалением ответил я.

– Да, это странно, ты был самым перспективным в нашей группе и вот так все закончилось, – он угрюмо помотал головой.

– Да, – ответил я многозначительно.

– Давай выпьем, что ли, за встречу, – сказал Виталий.

Он был явно расстроен, что встретившийся знакомый оказался бесполезен и выгоды из этой встречи ему не вынести. На таких знакомых в Америке не принято терять время.

Мы сначала допили его бутылку, потом мою, потом заказали блинов, осетрины и еще икры, и в нем проснулась русская душа.

– Ладно, переходи ко мне, будешь заниматься маркетингом в Восточной Европе.

– Да нет, спасибо, – сказал я, раззадориваясь от этой глупой ситуации, – я буду экспертом на жалованьи.

– Но ведь ты был умнее нас всех и так кончил, – он вздохнул искренне и глубоко, сильно закатил глаза и выдохнул воздух с шумом. Да, неисповедимы пути Господа, если будет совсем худо, звони, – и протянул свою визитку.

– О'кей, – сказал я, и мы попрощались.

Я вышел в каменные джунгли Нью-Йорка и растворился в толпе успешных людей, бороздящих Манхэттен.

На следующий день у меня было назначено несколько серьезных и не терпящих отлагательств встреч. Адвокатская контора «Бутман и Грасс» стояла на страже моих интересов. Аудиторские проверки, которые они провели, вывели мои компании в чистые игроки и позволили разместить акции на Нью-Йоркской фондовой бирже. Для меня это был серьезный прорыв. Мне нужно было реноме западного бизнесмена с прозрачной бухгалтерией и чистой кредитной историей. В течение недели я уладил все свои дела и вернулся в Европу.

Я сижу в Реймсе, в Café du Palais, с французскими компаньонами, на улице льет дождь, и уже темно. Я смертельно пьян, выпил почти четыре бутылки шампанского. Это много даже для меня. Звонит телефон, я с трудом осознаю, кто это. Один из моих менеджеров с тревогой в голосе сообщает, что на рынок выброшена серая партия канцтоваров по очень низким ценам и потребители требуют скидки на нашу продукцию. Ярость не расцветает во мне, она утоплена в шампанском, завтра разберемся, говорю я и проваливаюсь в небытие.

На следующее утро, быстро придя в себя, я получаю анализ рынка. Кто-то впустил на рынок канцтовары неизвестного производства из Юго-Восточной Азии на тридцать миллионов долларов. Эта интервенция не согласована с клубом поставщиков. Это намеренная диверсия и очевидно, что партию впустил в Россию крупный игрок. Таким образом, решив совершить мини-революцию в нашем бизнесе. Товар разошелся моментально через тысячи мелких оптовиков по всей России.

Мы быстро реагируем, сбрасывая цены под предлогом праздничных скидок. Я убедил основных игроков рынка в том, что мы должны продавать товар фактически на уровне себестоимости только для того, чтобы уничтожить неизвестного нам импортера.

Интервенция захлебнулась. Теперь самое время выяснить, кто это сделал. Я звоню членам клуба и провожу консультации. Все в растерянности, такого давно не было на рынке, кому понадобилась эта акция и кто за ней стоит? Этот вопрос интересовал всех профессиональных трейдеров. Но больше всего он волновал меня.

А что если эта интервенция связана с покушением на меня. Возможно, меня решили прощупать первым. В принципе это разумно, я самый крупный игрок клуба. Да, наезд серьезный, сразу с двух сторон. Нужно прощупать азиатский рынок, раз товар пришел оттуда, значит, там и следы.

Для этого я подключаю к делу Найджела, он имеет влияние в Сингапуре и Бангкоке. Через него мы начинаем «сканировать» всех известных производителей офисной канцелярии и их торговые трафики за последний месяц. В течение недели Найджел так ничего и не обнаружил. Похоже, товар пошел в Россию с подпольных, не зарегистрированных фабрик. Найджел обещал мне, что все равно найдет «серых» поставщиков. На следующий день я возвращаюсь домой в Россию.

6

Дома я обнаружил, что пресса начинает проявлять повышенный интерес к моей персоне. Один репортер даже напросился на интервью для серьезного западного журнала. Я уже согласился на встречу, как в последний момент журналист исчез, а скоро в одном из западных деловых журналов появилось мое «интервью», которого я не давал.

Но удивило меня даже не это, а то, что журналист, «слепивший» это интервью, знал обо мне очень многое. В частности, о моем увлечении вещами Александра Македонского и моих посещениях известных аукционов, на которых, кстати, гарантируется конфиденциальность.

Это заставило меня серьезно задуматься. Откуда простой журналист знает обо мне

больше, чем он должен знать.

Звонит телефон и отрывает от размышлений.

– Владлен Григорьевич, это Жанна, звонил какой-то господин, который сказал, что вы будете рады его слышать.

– Интересно, давай телефон.

– 7 918 303 53 43.

Я позвонил и услышал голос Валерия.

– Здравствуйте, господин Марьянофф.

Его голос дрожал, я это понял сразу.

– Зачем же так официально, господин Узрамаев.

– Хорошо, можно и не официально, я хотел предложить вам встречу, есть важный разговор.

– Опять о слиянии бизнеса?

– Не совсем, скорее о перспективах развития нашего бизнеса.

– Нашего? – удивился я.

– Я имел в виду наши рынки сбыта, только это.

Последние слова он проговорил с придыханием и надеждой на то, что я соглашусь.

– Ну что же, можно и встретиться.

– Хорошо, я жду вас в «Палаццо дукале» в шесть вечера завтра.

– О'кей.

На следующий день мы встретились в «Палаццо дукале». Я пришел первым и, заказав аперитив, стал наблюдать за подъезжающими авто.

Минут через десять около ресторана остановился спортивный автомобиль неизвестной мне марки, из которого вышел Валерий в сопровождении двух девушек. Уже внутри я обнаружил, что они были просто восхитительны. Красота лица соединялась с красотой тела, каждая деталь изгиба, каждая возвышенность груди были потрясающими. Но здесь и сейчас они были лишними. Я сразу перешел в наступление, как только Валерий присел за стол.

– Я полагал у нас деловой ужин, – сказал я, не дав ему даже поздороваться.

– Конечно, деловой, но...

– Надеюсь, ты не хочешь меня уверить в том, что это твои деловые партнеры.

Валерий сразу растерялся и не знал что делать. Он понял, что девушки оказались лишними и его дешевый трюк провалился.

– Я думаю, им лучше прогуляться или сесть за другой столик.

Валерий одобряюще кивнул, прошептал им что-то на ухо, и они пересели за самый крайний стол.

Прошло полминуты, и Валерий первым возобновил разговор.

– Марьянофф, у меня к тебе серьезное предложение.

– Опять предложение?

– Да, очень серьезное.

– Хорошо.

– Мои юго-восточные партнеры хотят купить твой бизнес.

Вот так в лоб и без подготовки.

– Ну и что?

В этот момент бармен принес коньяк. Валерий осушил свой бокал и тут же заказал еще две порции.

– Мои партнеры готовы заплатить любые деньги за твой бизнес, – сказал он уверенно.

– Любые вообще?

– Нет, любые в рамках разумного.

– Понятно, значит, на любые они все равно не согласны.

– Но ведь я говорю – в рамках разумного.

– Понимаешь, Валерий, любые деньги не могут быть ни в каких рамках, а, значит, мне это уже неинтересно, и потом, что это за «твои» партнеры.

– Это мои друзья из Азии.

– У тебя есть друзья, забавно. Интересно, а почему ты не продашь друзьям свой бизнес.

– И свой тоже, но их интересует доля не менее 50 % нашего рынка: у тебя 30 %, у меня где-то 22 %. Такой пакет их устроит.

– «Их устроит» – это интересная формулировка. А почему ты думаешь, что это устроит меня?

– Они предлагают бешеные деньги.

– Сколько? – спросил я из чистого любопытства. Я и не думал продавать свой бизнес, но мне было интересно, во сколько меня оценили за границей.

– Полтора миллиарда долларов только за твою долю.

– Меня это не интересует, – сказал я спокойно и встал из-за стола.

– Марьянофф, они все равно сожрут нас, ты помнишь последнюю интервенцию, мы все снизили цены наполовину, чтобы выжить. А если они кинут на наш рынок партию в десять раз большую, что будем делать тогда?

Ага, вот и обнаружился Иуда. Значит, это его рук дело, он вывел партию «черного» товара в Россию, используя свои связи. Все так просто и банально.

– Тебя ведет жадность, тебя пошло купили Узрамаев.

– Все равно подумай, за ними вся Юго-Восточная Азия, ты их не одолеешь.

– Мне это неинтересно, прощай. Хотя постой, а что у тебя за машина?

– Что, понравилась, могу прикрепить ее бесплатным приложением к сделке.

– А, так ты и машину притащил, чтобы соблазнить меня на сделку. Это зря, я в состоянии купить ее сам.

– Только не эту.

– Да, интересно почему, так дорога?

– Нет, цена для такой машины более чем разумная, всего триста пятьдесят тысяч евро, но вот очередь на нее, – и он закатил глаза.

– О'кей, как называется?

– Pagani Zonda.

– Пойду становиться в очередь, прощай.

Я давно уже сам себе хозяин, и мир с его миллиардами душ и мириадами звезд есть лишь место, где реализуются мои желания. Что сдерживает меня от моих желаний? Правительства, президенты, ООН, Интерпол, культура, традиции? НИЧЕГО.

Мы – те, на ком сейчас держится этот мир. А ведь он на ком-то держится. Поколение за поколением передают мир из одних рук в другие. Одни поколения справляются с содержанием мира лучше других. Кто-то приводит его в запустение, и потом следующее поколение, более талантливое и одержимое, опять начинает приводить этот мир в порядок только для того, чтобы следующие снова уронили его в грязь.

И так вечная, бессмысленная смена поколений и битва амбиций. Сейчас мир в наших руках, в моих руках, и, значит, я творю эту жизнь как художник. Люди просто живут, а я создаю эту жизнь. Как Бог.

В наших кругах стало очень модным страдать буддизмом. Вот сегодня я на вечеринке в честь семисотого воплощения Будды в нашем мире. Конкретно в Москве.

я не принадлежу к официальной московской тусовке, да мне это и не надо. Я завсегда в ресторане «Антонио» и клуба «Infinity», но об этом никто не знает. Я захожу в общую массу неких «новых русских», которые там бывают. Я в массовке московской тусни, тихо наблюдая за клаберами, юзерами, и экстравагантным бомондом.

Какие-то глупые журналисты норовят называть всех этих людей элитой. Это, конечно, сущий бред. Элита – это такие, как я. Элита – это люди, от которых зависит страна. Которые помогают ей жить и решают ее судьбу.

А эти, эти всего лишь марионетки славы – бомонд. Очень точное определение. Но мы взаимозависимы. ОНИ стремятся в элиту, а НАМ хочется быть в гуще их беззаботной жизни, и, значит, мы нужны друг другу.

И кажется, что мы сливаемся, образуя общее, пузатое облако веселья, которое летит над столицей. И только утром облако лопается, бомондная элита отлепляется от нас, и мы

расходимся в дневном свете.

И только мрак опять слепляет нас в страшное, нежизнеспособное чудовище, которое веселится до утра. Хорошо, что мы сливаемся в единое целое только ночью, когда страна спит и не видит нас.

Только в нашей сумасшедшей стране еще возможно, что нищий и миллиардер когда-то учились в одной школе. Уже наши дети будут жить в разных районах города или мира и ходить в разные школы.

Когда все уляжется, у простых людей не будет шанса залезть наверх. Никогда. Россия устроила «ледовое побоище» в начале девяностых за место под солнцем, мы бились насмерть, зная, что места наверху будут принадлежать нам и нашим потомкам на века. Грандиознейшая бойня элит. Мы умрем, сдохнем от болезней и нервов, но наши потомки будут властвовать в этой стране несколько столетий.

У меня во владении находятся сорок семь поместий, домов, вилл, замков, квартир, апартаментов и бунгало по всему миру. Мне приятно осознавать, что я – Владелец. Какие-то странные механизмы жизни делают за несколько лет из выпускников-голодранцев солидных господ, распоряжающихся миллионами всемирно признанных денежных знаков.

В моем портмоне лежат электронные ключи от всех моих поместий, замков и домов. В каждом доме у меня кодовый замок, и я помню все коды, как таблицу умножения. Я тасую эти цифры в голове во время ничегонеделания, например в ожидании самолета, чтобы память постоянно их сохраняла.

В нескольких своих домах я храню крупные суммы наличных денег. В долларах, евро, йенах, английских фунтах. Я не уверен ни в чем в этом мире и держу пятьдесят миллионов в долларовом эквиваленте в наличном виде в подземных сейфах моих домов. Сейфы невозможно взорвать, вскрыть или унести. Электронные замки открываются только по сигналу через спутник, сами сейфы сделаны из сверхпрочного сплава, который используют только в космической промышленности.

Когда мои финансовые возможности еще были сильно ограничены, я покупал себе пальто один раз в два-три года. Я всматривался в каждый ценник, строя сложные уравнения в голове. Купить пальто из шерсти за триста долларов или из кашемира за семьсот долларов. Эти расчеты отнимали кучу времени и нервов, и от них зависел весь мой годовой бюджет.

Теперь я не смотрю на цены. Дело вовсе не в беспечности. Просто при моем состоянии я покупаю все, что мне нравится. Даже когда я случайно обнаружил счет за итальянское кашемировое пальто на семнадцать тысяч евро, купленное в Милане моей женой, мне было все равно. Мое состояние каждый день увеличивается на сумму, в десять раз превышающую эту.

Раз в месяц я посещаю Милан – город бутиков. Я трачу пару дней на полное обновление личного гардероба. Мелькание марок высокой моды, тэйлорских мастерских, обувных ателье, где из кожи гиппопотама и змеи шьют туфли за пять тысяч евро, бутиков кожаных аксессуаров, хрустальных витрин из часов и портфелей, пирамид из платков и галстуков, нескончаемых рядов пальто и фраков. Все это здесь, в Милане, в витрине сдержанного города, где просто жить – уже большая роскошь.

В Нью-Йорке район проживания скажет о человеке все. Если это Манхэттен, то ты небожитель, если Квинс, тебе немного не повезло. То же самое с Парижем. Шестнадцатый округ, тихий и жутко буржуазный. Недалеко находится четвертый округ французской столицы, где обитают не самые респектабельные парижане.

Здесь, на Западе, существует алгоритм удачи. Удача имеет четкую формулу, под которую безропотно подгоняются жизни сотен миллионов людей. Формула содержит несколько обязательных элементов, которые и являются слагаемыми гарантированного успеха.

Ты должен много и усердно учиться, и тебе в награду дадут перспективную работу. К пятидесяти годам ты будешь иметь гастрит, расстройство нервов и перспективу вот-вот стать четвертым вице-президентом своей компании.

Твой отпуск составляет сорок дней, но реально неделя. И эту неделю ты отдыхаешь на Таити в бунгало за пять тысяч долларов в день, и, когда жена уже спит, в соседнем бунгало тебя

развлекают три полинезийки во все места, где обнаружены эрогенные точки, потому что именно за этим ты сюда и приехал.

К шестидесяти ты вице-президент, не принадлежащий себе, и почетный инфаркт в шестьдесят девять. Полгода на трубках, и в день семидесятилетия, как подарок, родственники отключают твои системы жизнеобеспечения, и вице-президент переходит в мир иной, где он просто раб Божий.

Так выглядит удача на Западе.

А у нас удача – это балаган. В России балаган крутит судьбами, то возвышая очередное убожество, то уничтожая гения. Законов восхождения вверх не существует. Те, кто наверху, не могут объяснить, как и почему они туда попали. Это загадка даже для них.

Они вгрызаются в небеса, но новый «Калиф на час» все равно разрушает им жизнь.

7

Однажды у меня появилось новое необычное хобби. Я начал собирать личные вещи Александра Македонского. Мне всегда был интересен античный мир. Собирать машины мне быстро наскучило. Если в год собирают три тысячи «бугатти», и ты можешь купить одну из них, то вещи Македонского могут появляться на рынке только раз в десятилетие. Обладать такими раритетами могут себе позволить лишь единицы. А значит, это развлечение достойное меня.

Сегодня в моей коллекции хранится часть доспехов Македонского, в том числе пластины кольчуги, копье, с которым он сражался в индийском походе, а также кубок для вина из его вавилонской резиденции, несколько манускриптов, возможно, написанных его рукой, и наконец мое последнее приобретение – сбруя его коня Буцефала.

Во время похода в Индию в одном из боев Александр был ранен. Он упал с лошади, зацепив сбрую. После боя ее подобрали индийские воины.

Она хранилась больше двух тысяч лет во дворце одного из махараджей и в 2004 году была выставлена на аукционе в Лондоне. Кожаная сбруя с серебряными пластинами. Она имела двойную ценность, так как на ней осталась кровь самого Александра Македонского. Хотя пятен уже почти не было видно, следы крови оставались на коже в виде малозаметных разводов.

Сбруя была выставлена на аукционе с первоначальной стоимостью миллион долларов. Аукцион начался в три часа дня. Зал был полупустой, но все присутствующие излучали ауру богатства и загадочности. Претендентов на вещь Македонского оказалось достаточно много. Но после пятимиллионной отметки покупателей осталось только двое – я и еще какой-то суетливый господин.

По тому, как он нервничал и постоянно звонил по сотовому телефону, было очевидно, что он брокер и самостоятельных решений принимать не может. Как только я это понял, я быстро перехватил инициативу, доведя предложение до семи миллионов.

После этой цифры брокер потерял самообладание и начал тихо оседать. Для того чтобы полностью вывести его из игры и произвести фурор, я показал десять миллионов долларов, минуя сотни тысяч, и через тридцать секунд стал обладателем сбруи Буцефала – великого коня великого Александра.

Если бы тогда я знал, к каким катастрофическим последствиям в моей жизни приведет эта покупка, возможно, я бы отказался от сбруи. Но в тот день я вышел из здания, где проводился аукцион, абсолютно счастливым человеком.

Эксклюзивные джентльмены нашей страны предпочитают собирать вещи великих людей прошлого. В нас живет уверенность, что обладание этими вещами передаст нам энергию великих людей и единая цепь правителей мира будет связана в один энергетический поток. Я, например, лично знаком с человеком, который собирает вещи Наполеона.

Итак, в тот день я вышел абсолютно счастливым человеком, и именно в этот момент боги начали на меня охоту.

Они не любят абсолютно счастливых людей. Зависть богов, может погубить человека, когда ему уже кажется, что зависть людская не способна ему помешать.

В тот час, когда я стал хозяином самой ценной вещи в моей македонской коллекции, на меня началась охота. Могущественный и сильный человек открыл на меня охоту, но я об этом еще ничего не знал.

8

Раз в месяц я провожу мониторинг своих активов. Сегодня в очередной раз я сверил все счета, доходы, недвижимость, инвестиции. Даже не считая автомобилей, поместий, винных коллекций и бриллиантов, состояние мое перевалило за миллиард долларов.

Я несколько раз пересчитал все активы. Все так и есть. Я СТАЛ МИЛЛИАРДЕРОМ. Тихо, не помпезно, не публично. Я никому не сказал об этом, даже жене. Она и так счастлива, какая разница – миллионом больше, миллионом меньше. Месяц назад у меня было 944 миллиона долларов, и вот в сорок пять лет я миллиардер с двумя высшими образованиями, знающий три языка, с женой и двумя детьми. Готовая обложка для журнала «Life».

Я тихо сел в кресло, закурил сигару. Хорошо, что сегодня я один. Мне нужно осмыслить это. Я сижу в своем замке на севере Нидерландов. Кто из нас не мечтает иметь свой средневековый замок. Я купил замок тринадцатого века, один из самых древних в Европе. Я оборудовал здесь аналитический центр всех своих инвестиций и владений, огромную библиотеку на пятьдесят тысяч томов и винный погреб.

Я бродил по замку с бутылкой арманьяка. Пил прямо из бутылки и не мог усидеть на месте. Я бродил из комнаты в комнату. Вот на стене в огромной гостиной висит портрет последнего владельца замка. Замку более семисот лет. Он переходил из рук в руки много раз, но всегда только в сильные руки. И вот теперь я Хозяин Замка и в моих руках миллиард долларов.

Пока я думал об этом, я стал богаче еще на десять или двенадцать тысяч долларов. Вот они странности жизни, лет пятнадцать назад двенадцать тысяч долларов составляли мой годовой бюджет. Я мерил весь год этими деньгами, распределяя расходы на себя, жену, детей, квартиру. Я месяцами строил комбинации расходов и накоплений. Я был замкнут в эти пределы и вынужден был мириться с этим обстоятельством. Я, чей разум разорвал все границы, был скован жалкими грошами этого мира.

Границы моих возможностей измерялись тысячей великих американских долларов на один календарный месяц древних римлян. И вот теперь эта сумма стала лишь мельканием, десятиминутной динамикой роста моего состояния.

Такое событие надо отметить. Я подарю себе что-нибудь грандиозное и неприлично дорогое. Но что?

Я уже осушил полбутылки арманьяка, и в голове бродил туман. Желание вонзилось в мозг и требовало немедленной реализации. Я долго ходил по каминному залу вокруг огромного обеденного стола. Я хочу что-то, что будет напоминать мне о моем первом миллиарде. Да именно первом, это только первый миллиард, потом будет второй, пятый, десятый, пятидесятый. Голова закружилась, меня затрясло, сердце бешено стучало, вырываясь наружу, кровь прилила к вискам и больно запульсировала.

Я решил сесть за компьютер, подключился к Интернету. Вошел в поисковую систему. Так машины. Самая дорогая и раритетная – «бэнтли» 29-го года – три с половиной миллиона долларов. Нет, не масштабно. Самолету меня есть. Яхта? Да, неплохо. Самая дорогая – тридцать шесть миллионов. Но я равнодушен к яхтам. Так, что еще.

Арманьяк уже подходил к концу, когда на экране компьютера появилась страница с предложениями о покупке частных подводных лодок. Подводная лодка – вот оно, вот то, что мне нужно, я буду капитаном Немо.

Дизельная подводная лодка последнего поколения. Пять кают VIP-класса. Все отделаны белой кожей и красным деревом. Носовая часть усилена пластинами из дюралюминия для совершенства хода. Библиотека, джакузи, плазменный экран 2×2 метра, кают-компания на десять человек, противорадарное устройство.

Я был уже крепко пьян, когда позвонил и заказал подлодку по номеру своей кредитной карты. Потом я уже ничего не помнил.

Около одиннадцати утра следующего дня меня разбудил телефонный звонок:

– Алло, господин Марьянофф? – услышал я в трубке голос, говоривший по-английски.

– Да.

– Вас беспокоит компания «Акватек технолоджис», простите, вы делали вчера предварительный заказ на подлодку «Скат» в ВИП-исполнении?

Я вспомнил вчерашние желания и выпалил:

– Да, да, конечно.

– О'кей, вы назвали номер своей кредитной карты, и дальше мы потеряли связь с вами.

После этих слов последовала продолжительная пауза, смысл которой мне был не понятен. Я ждал, когда голос в трубке продолжит разговор, но он молчал.

– Да, – сказал я, все так и было, – в моей голове бродил туман.

– Извините, но на вашей карте только сто пятьдесят тысяч долларов. Сумма солидная для карты. Мы, э... поняли, что вы клиент серьезный, но это лишь аванс? – Тишина в трубке.

– Конечно, – сказал я, – сколько еще надо?

– Простите, сэр, еще сорок два миллиона триста пятьдесят тысяч.

– О'кей, сегодня я переведу их на ваш счет. Данные я помню.

– Да, сэр, а как вы планируете забрать товар?

Как, откуда я знаю как?

– А как его обычно забирают? – глупо спросил я.

– Сэр, мы предоставляем вам временную команду, готовим все документы, и вы приезжаете к нам забирать вашу лодку.

– А куда это к вам?

– В США, Балтимор.

– А, вот так, О'кей, я сообщу вам о своем приезде.

– Спасибо, сэр, мы признательны и благодарны вам, что вы выбра...

Я повесил трубку. Ну, конечно, вы благодарны и очень признательны мне, особенно этот менеджер, который звонил. Он за один звонок заработал не менее 1 % от этой сделки, а это почти полмиллиона великих американских долларов. Где еще он найдет такого клиента.

Отлично, вот это будет номер. Найджел будет в шоке, когда я всплыву у него в бухте, на подлодке с залпом и фейерверком. Найджел – мой главный агент и покупатель в Штатах. У него роскошный дом на восточном побережье, и в его бухте найдется место для стоянки моей субмарины. Весь его городишко сбежится посмотреть на сумасшедшего русского, который всплыл на настоящей подводной лодке около настоящего американского дома.

9

Несколько раз в году я езжу во Францию для закупки вина непосредственно на винодельнях. Я беру Grand Cru только в самих замках. После скандала с фальсификацией бордоских классифицированных вин лучше брать вино на месте. Пару лет назад был громкий скандал – в бутылки стоимостью пятьсот евро заливали пойло за двести евро. Европа сильно переживала. Я не так чтобы сильно, у нас и не такое делали, но сам факт для меня, гурмана, был неприятен, и поэтому я стал делать закупки в самих Шато.

Я гоняюсь за винными раритетами по всей Европе и Новому Свету. Мое хобби переросло в серьезный бизнес. Мое лучшее вино созревает в подвалах, в прохладе слушая музыку Моцарта и Вивальди. Жемчужиной моей коллекции является Brunello di Montalcino урожая 1993 года от Marchesi de Frescobaldi. Вино хранится в магнумах, 1,5-литровых бутылках, дизайн которых делал Джанфранко Ферре. Бутылку сопровождают шелк, золото, и покоится она в деревянной коробке, покрытой тридцатью пятью слоями китайского лака.

Я не пропускаю ни одного значимого винного аукциона, особенно «Сотбис». В декабре 2003 года я оказался на очередном аукционе в Лондоне. Там я познакомился с лордом Барксом, известным коллекционером старых французских вин. Мы схлестнулись с ним из-за магнума Шато «Лакомб» 1933 года. Не самый лучший урожай в Бордо, но тем не менее битва была ожесточенной.

В конце концов бутылка досталась мне за сумму, превышающую первоначальную в двадцать раз. Аукционист был на седьмом небе от счастья, а лорд решил познакомиться со мной лично.

– Говорите по-английски? – спросил он вежливо, вытянув руку для приветствия.

– Да, – сказал я.

– Лорд Барке, к вашим услугам.

– Марьянов Владислав.

– Русский, все понятно, вы бьетесь до конца, для вас эта бутылка так важна?

– Не могу сказать, что я за нее отдал бы душу, но несколько тысяч долларов запросто, а вам, я полагаю, она очень, нужна?

– Да, эта бутылка была в коллекции моего отца, он купил ее мне в подарок в год моего рождения. Во время войны он был вынужден продать свою коллекцию, в том числе и эту бутылку.

Вот так сын советского инженера и носитель знатной английской 1000-летней фамилии стали друзьями. Лорд пригласил меня к себе в замок, представил жене и пригласил поиграть в гольф.

– Если не возражаете, – сказал лорд Барке, – я предоставлю вам свой набор клюшек.

Слуга принес сумку с клюшками. Я взял главную клюшку, покрутил в руках. Это оказался отличный паттер от «Waterford».

– Превосходный паттер, сказал я громко и с силой провел клюшкой по воздуху.

– О, вы разбираетесь в клюшках.

– Теперь да, – сказал я с гордостью.

Мое первое знакомство с гольфом, естественно, было дилетантским. Мой первый американский партнер был помешан на гольфе и пригласил меня поиграть с ним в гольф-клубе. Знакомство с клюшками и желание понять, зачем они все нужны, заняли у меня полдня. Инструктор объяснял мне отличие «айрона» от «вуда», значение «драйвера», необходимость «сэнд-вэнджа» и величие «патера». Я плохо усвоил правила выбора клюшек, и первый же мяч, по которому я ударил, улетел в озеро. Сделка у нас не вышла, но зато я в полной мере оценил значение гольфа в иностранной бизнес-среде. С тех пор я научился разбираться в клюшках и неплохо попадать по мячу.

– Ваш удар, сэр, – сказал лорд Барке.

Я выбил мяч в игру. Мы передвигались по полю более трех часов. Барке, естественно, выиграл. После игры мы перешли в летнюю оранжерею, где был накрыт обед. Во время обеда мы обсуждали положение дел в мире.

– Вы отлично играете для не англичанина, где вы научились? – Барке резко сменил политическую тему, показав, что она ему наскучила.

– В Шотландии, я брал уроки гольфа, но не долго.

– Все равно неплохо, мой друг, очень неплохо.

В английском языке словосочетание «очень неплохо» означает «очень хорошо», просто англичане сдержанны и не привыкли давать превосходных оценок.

После обеда лорд показал мне свой погреб. Он превышал погреб его отца в два раза. Мы распили две бутылки кларета преклонных годов и закончили Сотерном. Утром я покинул поместье Баркса по-английски, не прощаясь. На массивном рыцарском столе в гостиной я оставил бутылку, купленную мной на аукционе, в подарок лорду.

Я вернулся в гостиницу на окраине Лондона в прекрасном расположении духа. Я заказал обильный завтрак и открыл «Летописи Александра», античные манускрипты, недавно приобретенные мной при содействии одного лондонского музея. Я откинулся на кресле и погрузился в размышления.

На Восток, вот куда стремился великий Александр. Он искал другую мудрость, отличную от мудрости его учителя Аристотеля. Сам Александр стал великим только благодаря Аристотелю. Его отец, король-варвар, как и варвары XXI века, хотел видеть сына образованным и утонченным, а получил воина.

Так написано в бессмертных скрижалях великой Персии. Александр пронесся через

сатрапии Востока, исполняя великую цель олимпийских богов – объединение мира под дланью высокорожденного сына мудрого Зевса.

Как написано в древних книгах индийцев, мечты о едином мире есть главная цель бога.

Древние римляне опять возведут в ранг высшей цели принципы Александра – ORBIS UNUM. ЕДИНЫЙ МИР как высшая, великая цель человечества, так пророчество всех богов, как главная Истина.

Но где расположилась эта главная Истина?

Одни боги противоречат другим богам. Одни боги призывают человека присоединиться к ним величием своих дел, другие унижают человека и требуют слепой покорности.

И только Будда дает любому человеку возможность стать Богом здесь, на Земле. Я вспомнил свое первое посещение Боробудура, священного дворца Будды в Индонезии. Этот дворец – открытая книга Будды, где все стены расписаны его изречениями. Чтобы познать их, нужны годы. Но тогда, первый раз, я искал лишь одну скрижаль, скрижаль о власти. На верхних ярусах храма я нашел то, что искал. Местный монах перевел мне текст:

«И восстанут цари, лишённые царств, и короли древности проплывут в ладьях вечности, возвещая Новый Мир. Земля обретет новый круг. Святой и блудница соединят жизни, и новый Царь возглавит последнюю битву мира с небесами».

Помню, как у меня возникло ощущение дежавю. Я где-то уже встречал подобные изречения. Построение слов было кардинально другим, но смысл тот же. Ну конечно же это Библия: «Кто был ничем, тот станет всем». Но как буддийская мудрость оказалась в Библии?

10

Мой бизнес требует информации со всего мира. Биржевые индексы, курсы валют и металлов, демографические взрывы, экономические подъемы и депрессии, рецессии и прогресс влияют на мой бизнес. И потому мне нужна полная картина дико пульсирующего современного безумного мира.

В 12.00 у меня большой совет компании. В разгар обсуждения заходит Елена, мой секретарь, и показывает мне специальный знак. Это знак того, что есть вопрос, не терпящий отлагательств. Я прерываю совещание и включаю селектор.

– Владлен Григорьевич, на связи Амина.

– О'кей.

– Влади, бон суар.

– Здравствуй.

– Как твои дела, са ва?

– Почти, говори по-русски, пожалуйста.

Мой тайный агент Амина училась со мной в Плехановке. Когда я вышел со своей продукцией на мировой рынок и мои акции стали продаваться на биржах мира, я начал посещать экономические форумы, которые расплодились по всем сторонам света. Первый раз я появился на форуме экономического содействия стран Латинской Америки. И в первый же день встретил Амину. Оказалось, что она работает во Всемирном банке. Она всегда преклонялась перед величием французской культуры и любила мешать русский язык французскими изысками. Мне это нравилось, меня это возбуждало, но не сейчас.

– Какие новости, – спросил я.

– В Аргентине вот-вот будет дефолт, это видно по экономическим показателям. Почти уже не секрет. Вливания пойдут из Америки через Мексику. Надеюсь, что тебе нужна эта информация.

– О'кей, спасибо, до встречи.

Мы заканчиваем совещание уже ночью. Наутро я собираю аналитический отдел, и мы обсуждаем перспективы мировой экономики. Информация Амины оказывается как всегда полезной, и мы корректируем наши планы.

Мой почти тайный агент Амина – роскошная чилийка. Я получаю от нее анализ динамики развития мировых финансов, она получает от меня секс и деньги. Каждый раз после сумасшедшей ночи мы отправляемся тратить мои деньги.

Я питаю страсть к южноамериканским девушкам за их поистине странное сочетание греха и невинности. Растрату своего тела разным мужчинам они, прилежные католички, считают грехом, но для своего мужа они творят такие грехи, от которых ужаснулась бы любая религия. Преданность домашней собаки и изысканность в исполнении любых желаний ставят латиноамериканских женщин вне конкуренции. Их воспитывают так, чтобы они доставляли удовольствие своему мужчине. Если в поле моего зрения попадает венесуэлка или чилийка, я забываю о женщинах всего остального мира.

Когда мои возможности стали неограниченными, я решил переспать со всеми женщинами, которые отказали мне в моей «прошлой жизни». И они все без отказа начали свое шествие в мою спальню. И мне стало скучно. Я стал брать женщин, как Наполеон. Даже не раздеваясь, без ухаживаний. И почти без удовольствия.

Умные женщины теперь встречаются крайне редко. Умные дуры – очень часто. Это очень распространенный тип женщин. Они считают себя умными, но их мнение не совпадает с мнением окружающих их мужчин.

Вот одна из таких женщин, Ирина. Мы лежим с ней в постели и молча курим. Она первая прерывает молчание. Ирина – распространенный тип русской бизнесвумен, уверенной в своей окончательной победе над всеми обстоятельствами этой странной жизни. Слагаемые ее успеха просты – напористость, знание рынка и обаяние. Причем размер обаяния не имеет значения, будь то невинная улыбка партнеру по переговорам или ночь в постели с потенциальным клиентом или чиновником.

– Влад, вы знаете, я бы отнесла вас к третьему типу мужчин, – она сказала это очень спокойно и закурила сигарету.

Я изумился и хотел было аргументированно возразить, но вдогонку к первым словам услышал продолжение:

– Да, к третьему, все-таки первый тип жестковат, второй вообще не ваш, но третий – это самый лучший, он тебе подходит.

Если после первой фразы я еще хотел поинтересоваться современной классификацией мужчин, то после второй интерес у меня пропал, и я выпалил:

– Солнышко, я не делюсь на типы, я один сам по себе.

Она удивилась и решила даже поспорить со мной, что разозлило меня вконец, и я ушел из номера через пять минут.

Таких женщин, как Ирина, я называю женщина – *cosmo*. Тяга разложить все и всех по типам и видам навеивает на меня первобытную скуку. Я радуга этого мира, его веселье и радость, и не в один тип я не попадаю по определению. Я только сам по себе.

Я вообще не доверяю никому и ничему в этом мире. Доллары и фунты – бумага, золото – металл, бриллианты – камни. Однажды они перестанут нравиться человечеству, и оно выбросит их на помойку.

У меня есть тайники по всему миру, я вкладываю деньги во все, что приносит доход. Мои деньги хранятся во всех валютах. Мне принадлежат компании и фирмы на всех континентах. Роскошный миланский ресторан и самая большая забегаловка Шанхая. И никто там не знает, что я хозяин.

При любом кризисе, перевороте, смене экономических формаций и даже пришествии инопланетян я останусь богатым. Я разложил свои финансовые яйца по всем мыслимым и немыслимым корзинам этого мира. После краха английского банка «Бэрингс» в 97-м году я вообще ни в чем не уверен.

Миллионеры и миллиардеры, унаследовавшие свои состояния, знают жизнь только с одной стороны. С той стороны, где у них есть все. Вот почему прозорливые и умные папаши создают своим отпрыскам искусственные проблемы в жизни, чтобы приучить их ценить накопленные ими миллионы и миллиарды.

Самое лучшее место для выращивания наследников миллионных состояний – английская

школа Итон. Родители платят десятки тысяч фунтов стерлингов, для того чтобы их детей воспитывали в спартанских условиях, лишенных хоть каких-либо удовольствий.

И все равно миллионеры в третьем или пятом поколении не знают жизнь по-другому. А я знаю. Моя жизнь всегда будет до и после. И мои дети будут знать это. Они вырастут в полном достатке, но всегда будут помнить и передавать через поколения историю их отца, который, родившись в бедности, покори́л этот мир.

Став богатым, человек меняет качество своей жизни в одночасье. Просто кардинально. Еще вчера ты задыхался летом в «жигулях», а уже сегодня у тебя «мерседес» с кондиционером. Кондиционер появляется дома, в офисе, у родственников. Твой сок – только свежесжатый, костюм – только индивидуальный пошив, где на внутреннем кармане вышито твое имя. Вино – только Бордо, женщины – только звезды. И весь мир становится для тебя *E Pluribus Unum*.

Богатство, как гигантская, черная дыра, всасывает вокруг тебя все и всех. Все крутится вокруг тебя или рядом с тобой: биржевые сводки и вице-президенты корпорации, биржи и люди, новости и книги, президенты и премьер-министры, цены на нефть и золото.

Я никогда не был в Куршевеле, обо мне ничего не знает журнал «Форбс», о моих оргиях не знает желтая пресса, но бароны этого мира звонят мне по секретным телефонным линиям узнать, что будет с мировой экономикой завтра.

Иногда, сидя где-нибудь на краю земли в ожидании запоздавшего самолета, я проворачиваю в своем сознании все метаморфозы жизни. Где эта поворотная точка, которая отправила меня во всемирный полет. Вот я сижу, жду самолет на Фиджи, вылет рейса запаздывает из-за тропических дождей. Если бы не перемены, которые вынесли меня наверх, я бы никогда и не знал, что бывают тропические ливни, которые льют два-три месяца в году.

Незаметно для самого себя я стал частью мира, удивляясь до сих пор его абсурдным законам. Я летаю такими авиакомпаниями, которые в самом начале полета не могут гарантировать благополучное приземление. Но после аварийной посадки моей «Сесны», на которой я летел посреди Атлантики, я перестал бояться и был готов встретить любую судьбу с широко открытыми глазами.

Часть II ПАДЕНИЕ

Sol lucet omnibus
Солнце светит для всех

1

Когда-то у меня не было ничего. Я был никем. Я знал, что способен на многое, я верил в свои силы, но об этом не знал, да и не хотел знать окружающий мир. Меня не существовало для СМИ, хроник, воспоминаний и прогнозов на будущее. В этих подсчетах и прогнозах меня нигде не было. И вот теперь я на вершине мира.

Став по-настоящему богатым, я обнаружил, что деньги начали появляться отовсюду, они приходят на мои счета, на карточки, на расчетные счета моих предприятий. Десятки людей приносят откуда-то наличные. Деньги появляются отовсюду, их тянет к тебе как магнитом.

Бедным я никогда не был, хотя бывали тяжелые времена, и я жил в долг, но всегда, всегда сохранял достойный уровень жизни. И вдруг теперь я не чувствовал нужды. Мысль, где взять деньги, не сверлила меня. Эта мысль исчезла, потому что деньги теперь были всегда. Просто все время.

Они не исчезали и не испарялись. Я расширил круг своих удовольствий до безобразных масштабов, но денег все равно было больше, чем я тратил. Я начал ходить в японские рестораны и покупать икру килограммами, а французское шампанское ящиками. Я накупил дорогих машин и роскошных особняков, помог всем родственникам на всю жизнь вперед, жил

на Мальдивах неделями, ни в чем себе не отказывая. Но деньги не заканчивались. Напротив, их становилось все больше и больше, и я постепенно перешел на новый уровень жизни.

Насыщение обычными удовольствиями прошло. Я привил себе эксклюзивные удовольствия, о которых обычные люди даже не догадываются, – магические предметы прошлых времен, вещи великих людей, трехсотлетние вина за сто тысяч фунтов стерлингов и самые роскошные женщины.

В Нью-Йорке я обнаружил энциклопедию миллиардеров. Около тысячи фамилий сильных мира сего из всех стран мира. Я с интересом просмотрел раздел Россия. Очень внушительный список. Но меня там опять нет, хотя это и неудивительно.

Как люди взбираются на крышу мира, какие законы приводят их к успеху. Вопрос, на который нет ответа, ибо нет абсолютных законов удачи и счастья. Мир хаотичен, и, кто завтра взлетит на вершину, не дано знать ни кому. Случайности, странные обстоятельства, энергия космоса, противоречивые желания и время возносят людей наверх.

В нашей бизнес-среде существует миф о крупном дельце, который, устав от денег, славы, роскоши, женщин, шампанского, икры, драгоценностей, гоночных автомобилей и гончих собак, однажды все это бросил и исчез. Его долго искали и нашли на необитаемом острове, одного, нагишом поедающего бананы и кокосы и светящегося от счастья.

Никто не знает, правда это или нет, но иметь свой остров для философских раздумий стало престижно. Я тоже купил остров. Иногда во время цунами я сижу и в огромное бронированное стекло моей хижины смотрю, как стихия обрушивается на маленький клочок земли. Я сижу и думаю, я дошел до краев мира, вкусил все соблазны, я любимец богов и баловень судьбы. Что дальше?

Когда я понял, что любая женщина теперь доступна для меня, я стал избирателен в своих желаниях и начал коллекционировать только необычных дам. Поэтому, когда я увидел Эсфиру в холле отеля «Уолдорф Астория» в Нью-Йорке, я обмяк сразу, мой мозг погас, и осталось только желание. Восточная красавица с бедрами формы полумесяца и роскошной, нагло выпуклой грудью. Губы порочной женщины и чернота глаз, в которых написано – я твоя.

Мы быстро познакомились. Она приняла мое приглашение на ужин в ресторане Jean Georges. За время ужина я подчинился магии ее глаз. Мужчина подсознательно всегда ждет именно такую женщину, которая поглотит его всего целиком. Ту единственную женщину, воспоминания о которой будут будоражить кровь, даже когда вы будете немощным стариком. Боги всегда дают только одну такую женщину в жизни. И никто не знает, когда ее пожелать – в молодости или старости.

Восточная женщина – это всегда глаза, огромные, ярко подчеркнутые темными линиями. Это тайна, которая не дает покоя. В западных женщинах уже давно нет такой тайны. Они просты и прямолинейны в своих желаниях. Торжествующие идеи феминизма убивают в них главное желание женщины – желание нравиться мужчине. Восточной женщине никогда не придет в голову равнять себя с мужчиной. Это ей просто не нужно. Она нежный цветок, который должен услаждать взор, обоняние и тело мужчины.

Когда мы оказались в постели и возбуждение накрыло нас, я потерял контроль полностью. Она мягко отстранила мою руку, в которой я держал презерватив, и я даже не смел сопротивляться. Я ждал главного наслаждения в жизни и наплевал на безопасность. В такую женщину нельзя входить в презервативе, ее можно почувствовать только всем естеством.

Все, что я помню, так это как я провел рукой по низу ее живота и не почувствовал характерных выпуклостей. Она осталась спокойной и ничего не сказала. Мы легли на ковер, ее бедра двигались со скоростью набегающей волны, и я кончил в нее с невероятной силой.

На следующее утро она исчезла. Я не стал искать ее, так было правильно. Для такого секса достаточно одного раза, иначе потеряешь голову и реальность, в которой эта голова что-то значит.

Я особо не переживал по поводу небезопасного секса, так как обезопасил себя необычным способом. В конце девяностых я подружился с удивительным человеком, профессором

Тверитиновым.

Тверитинов возглавлял лабораторию проблем крови Института иммунологии России. Он, зная мой разгульный творческий нрав, однажды предложил мне вакцину, которая спасала от самого страшного вируса – СПИДа. Лаборатория Тверитинова создала вакцину, предупреждающую заражение СПИДом. Вакцина не являлась лекарством, она лишь создавала барьер для проникновения вируса в кровь человека. И как всегда в нашей стране, такое открытие требовало тысячи проверок, разрешений и сертификатов. На официальное признание во всех инстанциях ушло бы не менее пяти лет.

Профессор предложил мне опробовать вакцину на себе. Никаких проблем она не создавала, и я согласился. Игорь Олегович объяснил мне, что вакцина предохраняет организм от проникновения вируса и срок ее действия – три месяца. Я согласился, но первое время еще на всякий случай предохранялся и традиционным способом.

Так и в тот день, отрезвев от роскоши восточного тела и двух бутылок лафита, я остался спокоен, зная, что кольчуга внутри меня обороняет тело. Ведь я проходил вакцинацию у Тверитинова каждые три месяца, строго по графику.

Потом я поехал на Ибицу, где дискотеки Foam & Water Party начали входить в моду. Заканчивал я всегда в отеле с несколькими девушками, всегда готовыми узнать о жизни граждан Поднебесья чуть больше, чем это известно желтой прессе. Я старательно избегал средств массовой информации и никогда не давал лишнего повода поинтересоваться своей особой. Хотя стремление богатых людей всегда и везде быть первыми является нашей профессиональной обязанностью.

Земли для наших амбиций нам уже не хватает. Превосходство теперь мерится Космосом. Ты можешь стать властелином небес за двадцать миллионов долларов. И ты становишься смелее и щедрее других, ведь ты в буквальном смысле выбросил эти миллионы «на ветер». На ветер, который несет тебя в неизведанное, который возвышает тебя раз и навсегда. Пройдет еще сотня лет, прежде чем мы будем летать в открытый космос так же свободно, как сейчас пересекаем границы стран. И потому первые бизнес-космонавты навсегда войдут в скрижали Земли.

Но я равнодушен к космическим путешествиям, предпочитая удовольствия земные. Мало того, на моем столе уже давно лежало исследование о воздействии космических путешествий на мужскую потенцию. Космос действует на мужчину губительно. Прекрасная тайна, удивительная загадка обходится очень дорого. Все это вполне в духе наших богов. Они ведь все приводят к гармонии. К гармонии, за которую надо платить. Хочешь разгадать вселенскую тайну, отдай часть своей энергии. Энергия мужчины сливается с энергией космоса, забирая у него силы.

Примерно через год после ночи с Эсфирой я впервые почувствовал упадок сил. Я перенес простуду очень тяжело – температура почти сорок, кашель удушающий, три недели бессилья в постели. На всякий случай я обратился к Тверитинову, чтобы он меня проверил. Через неделю я был у него в лаборатории:

– Как мои дела, Игорь Олегович.

– Ты человек сильный, Влад, я скажу тебе правду сразу, в тебе вирус СПИДа.

Я спокойно выслушал эту новость, и, в тумане не осознавая угрозы, спросил, как это могло случиться. Тверитинов развел руками и сказал, что ему нужна неделя на диагностику.

Я всегда был уверен, что ни одна болезнь не возьмет меня. Мой дед по матери умер в девяносто шесть во сне, а деду по отцу восемьдесят девять лет, и он жив до сих пор.

Я провел неделю в делах, веря в силу Тверитинова и своего организма.

Профессор позвонил через три дня. Вердикт был шокирующий и неоднозначный. Лекарство профессора действовало безотказно на носителей первой, второй и третьей групп крови человека. А вот с четвертой группой, как у меня, играло в лотерею. Вирус мог остаться в крови, а мог и погибнуть. В моей крови он остался, но, как будет вести себя дальше, неизвестно. Судя по последней простуде, не в мою пользу.

Влад, мне нужно еще несколько дней, чтобы понять, что делать дальше.

Тверитинов позвонил через пять дней и сказал, что у него есть новости. Мы встретились.

Он расспросил меня о моих похождениях, и мы быстро вычислили женщину. Конечно, это была Эсфира. Я потерял с ней голову и пренебрег безопасным сексом. Все остальные женщины, с которыми я встречался за последний год, сами предлагали мне обезопасить секс. Я не противился этому, хотя был уверен, что защищен изнутри. Конечно, это Эсфира, сомнений не было.

– Влад, – она нужна мне для диагностики, я не смогу тебе помочь, пока не протестирую ее, здесь странное дело, я не встречал вируса с таким мутационным потенциалом.

– Что это значит, Игорь Олегович?

– Вирус ведет себя очень странно, в момент гибели, когда его подавляет иммунная система, он мутирует в другую вариацию, и так происходит постоянно. Эта женщина несет яд в своем теле.

Тверитинов молча посмотрел в окно, а потом быстро продолжил:

– Ты только носитель вируса, он пока не проникает в кровь. Но сколько так будет продолжаться, я не знаю, поэтому мне нужна женщина. Вообще я с такой разновидностью вируса не встречался раньше, он ведет себя так, как будто эволюционирует уже несколько столетий, а может и больше. Я могу сразу сказать тебе, Влад, этот вирус древнее нашего СПИДа. Здесь что-то не так.

Тверитинов начал нервно ходить по комнате, жадно вбирая табачный дым из трубки.

– Очень странное дело, очень. Мне необходимо проверить ее кровь, и, если она первой, второй или третьей группы, я наверняка смогу приготовить вакцину. Но если и у нее четвертая группа крови, как у тебя, то это будет очень сложное дело. У нас только один шанс – найди эту женщину и привези ко мне.

Лаборатория профессора Тверитинова была создана в середине двадцатых годов XX века Богдановым. Богданова называли богом крови. Он знал о ней почти все. Он экспериментировал с переливанием крови от молодых людей старикам для продления срока жизни и омоложения. Многие его пациенты дожили до девяноста и даже ста лет, при этом будучи весьма болезненными людьми в детстве.

Обо всем этом мне много раз рассказывал сам Тверитинов. Он вел род чуть ли не от Рюриковичей и гордился причастностью к великому делу. Он симпатизировал мне, наши взгляды на науку и жизнь совпадали, и главное – я для него был не спонсором, а другом.

– Если все рухнет, Влад, – сказал он мне, – останется последнее, полная замена крови, но и здесь много вопросов. У тебя четвертая группа, самая редкая, ты ведь знаешь, даже если я найду донора, предсказать реакцию организма все равно невозможно. Это крайняя мера, и пока мы о ней думать не будем. Так что ищи женщину.

2

Итак, я начал поиски Эсфиры. Сначала попытался найти ее через своих друзей в Стране Роз, но безуспешно. Я решил лично вести поиски. Слишком многое было поставлено на карту, чтобы я просто доверился профессионалам, а сам сидел дома и ждал.

Через неделю после посещения института Тверитинова я вылетел в Дели. В Индии у меня был друг, с которым я учился в Голландии. Он был потомком одного из индийских раджей и удачно занимался гостиничным бизнесом в Гоа. Я надеялся на его помощь в моих делах.

Самолет «Аэрофлота» приземлился в Дели в 19.00. Салах прислал за мной машину, и уже через час я был в его доме.

– Здравствуй, дорогой, – Садах приветствовал меня около своего особняка в Нью-Дели. – Как долетел?

– Нормально, – сказал я и обнял его за плечи, – я чертовски рад тебя видеть.

Мы прошли в дом, я немного отдохнул, и через час мы сели обедать на веранде его особняка.

После обеда мы удалились в кабинет, где я подробно рассказал ему о своих проблемах.

– Да, Влади, – это серьезный вопрос, найти женщину на Востоке, это не то же самое что найти женщину на Западе.

Я понимающе кивнул, зная, что это только начало длинного восточного диалога. Решение

все равно будет найдено, но после долгих рассуждений.

– Сколько у тебя времени.

– Пока много, не меньше года точно.

– Хорошо, сейчас я свяжусь с полицией Кашмира, я думаю, они нам помогут.

Салах набрал номер телефона. На другом конце трубки быстро ответили. Разговор продолжался около десяти минут.

– О'кей, поедem в Кашмир, – сказал он, похоже, там есть люди, которые нам помогут.

На следующий день мы были в Кашмире. Партнеры Салаха через местную полицию нашли людей, которые понимали, кого мы ищем. Они обещали провести нас в местность, где предположительно жила семья Эсфиры. Эти люди не знали об Эсфире наверняка, но знали семью, которая продает своих дочерей за большие деньги и которые потом исчезают бесследно.

Эти люди живут отшельниками в безлюдной долине. Они живут там с незапамятных времен. Удивительным оказался еще и тот факт, что недалеко от них в соседней долине живет странный народ, не похожий ни на индийцев, ни на пакистанцев. Сами они говорят, что они потомки людей, которые пришли с Александром Македонским. Выглядят они очень странно, их яркие необычные наряды напоминают наряды перуанцев, и говорят они на своем языке. Все это теперь имело для меня большое значение. Все, что было связано с Македонским, имело теперь для меня мистический смысл. Скорее всего, эти люди – потомки македонских воинов, которые брали в жены восточных женщин. Удивительно, что они обособились от остального населения этого региона и жили отшельниками уже больше двух тысяч лет.

На следующий день мы прибыли на место. Глава семейства был предупрежден о нашем визите и принял нас на заднем дворе своего большого каменного дома. На мой вопрос, где искать Эсфиру, а она, без сомнения, была его дочерью, он лишь развел руками и сказал, что теперь она дочь Ветра и он не в ответе за нее. Я был удивлен. Отец Эсфиры заметил мое недоверие и спокойно сказал:

– Мы продаем своих дочерей в хорошие руки и никогда больше не интересуемся их судьбой. Так принято. И он воздел руки к небу.

Итак, Эсфира исчезла без следа. Возможно, она сейчас находится в каком-нибудь гареме недалеко от меня, а может быть, на другом краю света соблазняет очередную жертву.

Я вернулся в Амстердам, задействовав все свои связи и возможности. При помощи Салаха и его друзей мы наняли пятьдесят местных детективов, чтобы они буквально прочесали весь Восток. Со своей стороны я нанял еще пятьдесят детективов и разослал их во все концы мира, описав Эсфиру как можно точнее и объяснив им специфику ее ремесла.

Я начал бешеную гонку преследования, игру на выживание, битву за жизнь. Я полюбил жизнь с новой силой. Красота утра и пение птиц, открылись мне снова. Я ждал Гибели и Воскрешения в любую минуту. Я стал фабрикой адреналина, гончим псом за вечно не достигаемым зайцем.

В один из дней позвонила жена:

– Ты где сейчас, Влад?

– В Амстердаме.

– Когда будешь дома?

– Пока не знаю.

– Давай, мы приедем к тебе, у детей радостная новость.

– Хорошо, вылетайте завтра, я встречу вас в Шипхолле.

На следующий день Марина с детьми прилетели в Амстердам. Новость действительно меня обрадовала, Лера поступила в Кембридж. Да это отлично, я хотел, чтобы она училась в Европе. И образование классическое, да и от Амстердама до Лондона всего один час лета.

Делами своих предприятий я почти перестал интересоваться. Марина с детьми целыми днями гуляли и развлекались. Я даже съездил с ними в парк развлечений «Эфтелинг». Но все это я делал автоматически, тщательно скрывая волнение и тяжесть моего положения.

Я уже давно не испытывал особых ощущений от общения с женщинами. Я настолько привык к доступности женского тела, что романтика в виде прогулок под полной луной и поцелуи до утра меня уже давно не интересовали.

Но здесь было другое. Я начал грезить этой женщиной, даже зная, что она несет опасность. Ее непохожесть на других манила меня. Я представлял, как буду появляться с Эсфирой на коктейль-party, закрытых вечеринках или в казино. Зависть и благоговение обеспечены. Она настолько отличается от всех женщин света, что обладание ею становится манией, колдовством, волшебством.

С какой бы роскошной блондинкой я ни появлялся в обществе, она вызывала всеобщее одобрение в мой адрес, но не более того. А такая женщина произведет полный фурор в высшем свете.

С такими мыслями я без дела слонялся по своему амстердамскому замку уже больше недели. На улицу я не выходил, жена и дети вернулись в Россию. Каждый вечер я засыпал с опустошенной бутылкой коньяка.

Через неделю раздался звонок. Я бросился к телефону с надеждой. Но это оказался мой агент, занимающийся поиском античного антиквариата. Он сообщил, что в Александрии обнаружены манускрипты из библиотеки, которая, возможно, принадлежала Македонскому, а также средневековые книги о его жизни. В манускриптах содержатся заповеди Александра потомкам и еще несколько рассказов о чудесах, которые сотворил Македонский. Ни в одном каталоге аукционистов, ни у историков, ни у археологов эти манускрипты не значились. Но теперь меня это не волновало.

Я спросил, с трудом пересиливая себя, что за чудеса описаны в манускриптах. Я сделал вид, что мне интересно, чтобы не обижать моего агента, который, как гончий пес, носился по Ближнему Востоку и Средней Азии в поисках антиквариата.

– О, сэр, это все античные и средневековые выдумки, так называемые мифы об Александре. Но, раз вам интересно, я сейчас прочитаю: «Путешествие Александра Македонского в Рай», «Александр достигает высот неба и глубин моря», «Александр и племена Гога и Магога».

Смешное название, отметил я про себя и, уже почти не слушая, отрешенно стал смотреть в окно. Мой агент продолжал: «Александр и Василиск», «Александр и десять гимнософистов». О боже, подумал я, когда это кончится. Я слышал в трубке радостное тарыхтение Залек.

– Сэр, – вы еще слушаете меня.

– Да, Залек.

– Сэр, они все в превосходном состоянии, я их видел и не только видел, но и трогал. Они в прекрасном состоянии, это просто удивительно. Вы помните тот египетский манускрипт, что рассыпался у вас в руках, так вот здесь, как ни странно, бумага плотная и цельная.

– Да, это хорошо, – сказал я, уже теряя терпение.

– Сэр, вы понимаете, что такое предложение бывает лишь раз в жизни, разве я вас не заинтересовал. – Долгое молчание в трубке.

Я не знал, что ответить, мысли разлетались в разные стороны, и собрать их в единый поток не представлялось никакой возможности.

– Залек, я слушаю еще минуту и все, извини, но я сильно занят, – сказал я с еле скрываемым раздражением.

– Хорошо, – сказал Залек, не обратив на мои слова никакого внимания, – идем дальше: мифы «Александр и алмазная долина», «Александр и Диоген», «Александр и брахманы», «Александр и ядовитая девица».

Как только я это услышал, мой мозг проснулся, тело помолодело и налилось энергией античности, средневековья и настоящего вместе с будущим.

– Что, – заорал я в трубку, – повтори еще раз, как ты сказал: «Миф об отравленной девушке».

– Нет, сэр, «ядовитая девица», – спокойно сказал Залек.

– И о чем там написано?

– Не знаю, сэр, ведь мы это еще не купили.

– Бери все, завтра же, бери все и за любую цену, ты понял меня, Залек.

– Да, сэр, понял, все манускрипты за любую цену.

Последовало молчание, а потом Залек спросил:

– Простите, сэр, а за какую любую?

- Залек, ЛЮБАЯ ЦЕНА, ты понял.
- Думаю, да, сэр, – в его голосе появился нескрываемый восторг.
- Отлично, я вылетаю первым рейсом в Каир, жди меня.
- До встречи, сэр.

3

В Каире стояла удушающая жара. Все, что теперь меня интересовало, так это древние тексты, которые купил Залек, и поиски Эсфиры. Я терялся в догадках: что могло быть написано в манускриптах о «ядовитой девице».

Самолет сел поздно вечером, и я сразу отправился в гостиницу. Сегодня мне необходим отдых, сил думать и двигаться уже не осталось. Я выпил вина и спокойно заснул.

На следующий день после прибытия в Каир я собрался осматривать купленные мною манускрипты. За мной пришел заказанный накануне «мерседес». Я сел на заднее сиденье, и машина рванула с места, за нами два «шевроле тахо» с охраной. Мы ехали по выжженной земле, вокруг были лачуги нищих. Через десять минут я услышал странный глухой хлопок, после которого раздался мощный взрыв. Мне показалось, что он пронесся в стороне и никак не относится ко мне. Следующий взрыв не оставил сомнений: это стреляют в мой кортеж. Мысль не успела пронестись в голове, как машину перевернуло два раза и выбросило на обочину. Я сильно ударился головой о дверь, но сознание не потерял. Минут через пять, собрав остатки сил, попытался выбраться из джипа, но у меня ничего не получилось, ноги не слушались, и дверь не хотела открываться. Потом резко в нос ударил горелый запах и я начал терять контроль. Последнее, что помню, как два человека вытащили меня из горящей машины и понесли куда-то.

Очнулся я в тихом сыром помещении, с улицы доносились обрывки фраз на арабском языке. Я ощущал себя, легко встал на ноги, потрогал голову. Слава богу – жив и цел, ни переломов, ни сильных болей, только синяки и ссадины. Это уже хорошо.

Целый день просидев в одиночестве, я устал гадать, что же со мной произошло и где я. Помещение смахивало на тюрьму. Это точно, сомнений не оставалось. Если так, то кто захватил меня и зачем? То, что я еще жив, вселяло какой-то оптимизм, но будущее казалось опасным.

На следующее утро появился небритый араб, который по-английски сообщил мне, что моя жизнь ничего не стоит и в любой момент я могу умереть.

От усталости и напряжения я потерял сознание, но, видимо, не надолго. Меня разбудил человек с утонченным лицом. Его лицо нельзя было назвать заросшим. Густая и длинная борода, похожая на бороды древних ассирийских воинов с барельефов Вавилона, обнаруживала признаки ухода, которые не практикуются в здешних местах. Он долго молчал, ждал, пока я приду в себя, а потом спросил на чистом русском языке:

– Ты кто?

Мое удивление было настолько сильным, что я смог вымолвить только:

– А ты кто?

Он замахнулся на меня и ударил наотмашь по лицу.

– Отвечай, когда тебя спрашивает аристократ.

Обращение было странным. Я думал не больше минуты, мгновенно оценивая ситуацию. По идее мой пленитель должен ненавидеть богатых белых, но в то же самое время он бегло говорит по-русски и я хорошо расслышал слово «аристократ». Итак, если я представлюсь простым человеком, я могу сгинуть в неизвестности, а так есть шанс заплатить выкуп.

– Я русский, богатый русский. И тут же подумал, почему он со мной заговорил на моем языке.

– Я знаю, что ты русский, ты бредил во сне. Ладно, отдыхай, что делать с тобой, я решу позже. А они все равно умрут.

Это были его последние слова в тот день. Кто такие «они» и почему «они умрут», я не знал. Видимо, захватили в плен еще кого-то.

Два дня я провел в одиночестве. Мой запасной сотовый, спрятанный в носках, показывал полную зарядку, но не мог найти сеть. Еду мне просовывали в окошко. Я съедал все моментально. На удивление еда была более чем сносной – мясо барана, хлеб и вода.

Помещение, в котором меня держали, было маленьким, узким, с единственным окном, в которое еле пролезала деревянная миска с едой. Через окно были видны двор, охранники и костер, возле которого они сидели.

Я простучал все стены и обнаружил, что задняя стенка моей темницы, соединялась с другим помещением. Если араб сказал, что «они умрут», значит, они взяли в плен еще кого-то, и эти кто-то могут находиться рядом со мной. Я начал отстукивать по задней стене, пытаюсь привлечь внимание тех, кто мог находиться в соседней камере.

В полдень, когда жара стала совсем невыносимой, я услышал слабые звуки из-за стены.

– Who are you, friend?

Я моментально оживился и перешел на английский.

– I'm from Russia. I am prisoner, and who are you, what are you doing here?

Я ожидал услышать ответ, но голос смолк. Было слышно, как с той стороны открывается замок и кто-то входит внутрь. Через минут десять замок закрыли – и больше никаких звуков. Странно, если им приносили еду, то почему так долго ждали. Еду ведь можно передать через окно, хотя, может быть, там нет окна. Все равно странно. И за эти десять минут никаких звуков, шорохов, криков. Очень странно. Скорее всего, тот человек, что заговорил со мной, был англичанином, я понял это по произношению.

Через час я снова услышал голос из-за стены. Я дремал и не сразу понял, что голос зовет меня.

– Hello, friend, how are you?

– I'm O'кей. Where are you from?

– England.

Значит, я оказался прав, это англичане, я только не знал, сколько их.

– What are you gonna doing?

Вместо ответа я услышал шум, грохот и крики. Значит, нас или услышали, или иностранцев повели туда, откуда не возвращаются, но об этом я даже не хотел и думать.

Утром следующего дня аристократичный араб опять зашел ко мне и вместо угроз начал задавать мне вопросы.

– Зачем ты приехал сюда?

Мой мозг работал, как компьютер. Комбинация пронеслась в голове за секунды. Сказать, что я бизнесмен, – опасно. Приехал искать Эсфиру – долго объяснять всю историю. Врать незачем.

– Меня интересуют вещи Александра Великого.

Удивление, которое отразилось на лице араба, трудно было передать. Я даже не понял, что его так поразило. Он долго молчал, а потом спокойно спросил:

– Тебя интересуют только вещи Искандера?

То, что он назвал Александра – Искандером, меня не удивило. Я имею в виду, что он сказал это на русском. На востоке люди называют Македонского Искандером. Удивила меня интонация и уверенность, с которой он спросил.

Я уже собрался ответить ему и сказать, как много для меня значит теперь все, что связано с Македонским, но он не дал мне заговорить.

– Я использую тебя как посла, ты должен передать мою волю этому прогнившему миру. Но об этом мы поговорим завтра.

– Прошу вас, только один вопрос – откуда вы знаете русский язык. Аристократ тихо улыбнулся и закрыл за собой дверь.

В полном одиночестве я провел, кажется, два дня. Никогда не предполагал, что одиночество может быть таким гнетущим. Араб не появлялся. Я устал гадать, что меня ждет. Спал очень плохо. Чувствовал, как мне не хватает вина, чтобы снять усталость и забыться спокойным сном. На третий день араб пришел в европейской одежде и с подносом. На подносе

оказались сладкое вино, фрукты и хлеб. Не дав мне опомниться, он начал быстро говорить.

– Тебе повезло, человек, я учился в Москве, и, хотя мы теперь с тобой не на одной стороне, я испытываю уважение к своим русским учителям. Зачем ты интересуешься великим Искандером?

Вопрос поставил меня в тупик, и я проговорил что-то пафосное и бессмысленное:

– Я хочу понять волю этого человека и узнать, что заставило его перевернуть полмира на свой лад.

– А тебе хватит сил, западный человек, и что ты вообще знаешь о Македонском, – тихо отчеканил араб.

С этой фразы начался наш долгий и серьезный разговор. Мы разделили мир на Восток и Запад и, как игроки в шахматы, пытались выиграть друг у друга. Мы проговорили весь день. Утром следующего дня Хализ, так звали моего пленителя, зашел ко мне и сказал, что он меня отпускает, но с одним условием.

– Ты должен пройти путем Александра Македонского Великого, – сказал он мне, – это путь испытаний человека, стремящегося познать истину. Он смотрел внутрь меня, в мои глубины, проникая через глаза. Меня удивило, что он соединил титулы Александра вместе. У нас было принято говорить либо Александр Македонский, либо Александр Великий. Я не успел спросить его об этом, как он начал свой рассказ, неожиданно и быстро излагая мысли.

– Я сын очень богатого человека, – сказал он мне, – но мою страну поработили, и ради славы своего рода я взял автомат. Мой род опозорен бессилием, и моя кровь вернет нам уважение, но и кровь неверных тоже. Ладно, ложись спать, завтра тяжелый день.

Утром я проснулся от духоты и монотонного призыва муллы. Лагерь весь зашевелился, было понятно, что люди уходят отсюда. Хализ зашел ко мне в камеру и сказал:

– Ты уйдешь ночью, когда мы покинем лагерь. Вот карта. Уверен, ты знаешь, зачем идешь вперед.

Я сделал утвердительный кивок головой, хотя уверенности в моей дальнейшей судьбе у меня не было никакой. Я шел навстречу опасностям и открытиям. Я один на один с судьбой. Я уже перешел в Зазеркалье мира, где удача и успех измеряются вечностью и делами тех, кто жил на этой Земле до нас. Слава и величие, а не деньги – вот что двигает фигуры в истории.

4

Я разобью любые стены, возьму все крепости, и пусть все пророки услышат меня. Я все время слышу голос Хализа, его монотонный, сильный, волевой голос: пройди путем Македонского, пройди или погубишь свою жизнь так же, как я.

Хализ оказался родом из Александрии и знал про Македонского все. Его родственники были не довольны тем, что он превозносил чуждого им правителя и восхищался им. Но для Хализа Александр Македонский был несостоявшимся правителем всего Востока.

– Я знаю про него все, – сказал мне Хализ в нашем последнем разговоре, – даже то, чего не знают все профессора твоего мира.

– Почему ты в этом так уверен? – спросил я.

– На северо-востоке, в горах Пакистана, живут люди, которые являются потомками воинов Македонского. Я веду свой род от македонян, от одного из солдат Александра, которые навсегда остались в завоеванных им землях, потому что здесь они нашли себе новую родину.

Хализ умолк и долго смотрел в сторону горизонта.

– Хотя сегодня уже трудно найти во мне кровь тех далеких предков, я предан идеям Александра. Он стремился к единому миру, одному миру для всех. Единый Запад и Восток, идея, которая теперь превратилась в утопию.

Он замолчал. К нам в комнату вошел человек в военной форме и принес большой стакан.

– Пей.

– А что это? – спросил я.

– Сахлаб, это жирное молоко, немного муки, много меда и орехов – пей, тебе понадобятся силы.

Я взял стакан и осушил его мгновенно. Через две минуты звенящей тишины он

продолжил разговор.

– Ты должен пройти «дорогой Александра», чтобы понять истину.

«Дорога Александра» это не географическое понятие, это путь воли человека. Люди тогда и сейчас думают, что он гнался за славой и богатством. Нет, он хотел найти истину.

– Истину чего?

– Истину этого мира. Мать уверяла его, что он сын бога, что его отец Зевс. После Персии он поверил в это, потому что только сын Бога может свалить Великую империю в одиночку.

Хализ в упор посмотрел на меня и спросил:

– А ты, как много ты о нем знаешь?

– Все, что известно на Западе, я изучил сотни документов, связанных с его жизнью и походами.

– Хорошо, тогда ты должен знать, что его победа над персами была истинным чудом, которое больше никогда ни с кем не случалось на этой Земле.

Такого больше никогда не было в истории войн. Его победа над Дарием – до сих пор необъяснимая загадка. После нее он поверил в свое божественное происхождение. Победив людей, он жаждал встречи с богом.

– С богом, – завороченно спросил я, – с каким богом?

– Ему нужна была встреча с равным. Он хотел встретиться с богом другого мира и понять, чья истина вернее. Поэтому так маниакально он двигался вперед, в Индию, поэтому он сбрасывал награбленные сокровища с коней и вел войско вперед.

Еще задолго до Александра Ближний Восток находился под влиянием буддизма. Александр услышал от Аристотеля о едином Боге Востока – Будде. Там, где заканчивался греческий мир, начинался Иран. Иран был буфером между эллинским миром и миром Будды. Иранцы поклонялись Солнцу и Огню и слушали своего пророка Заратустру. А за Ираном лежал мир Будды, которому уже было больше 200 лет. И мир этот начинался в Индии.

На Олимпе жили десятки богов, мало того, они плодили полубогов и героев, а тут вдруг один бог, и все ему поклоняются. Вот загадка.

Там, за сатрапиями Востока, лежали земли Индии, где Будда правил умами мира. Александр рвался туда. И вот перейдя притоки Инда, он получил «черную метку» от богов, которые его так любили.

Хализ рассказывал все это с таким восторгом и горящими глазами, как будто сам был свидетелем походов Александра.

– Аристотель воспитал в нем человека, несущего свет просвещения темным империям Востока. Но отец его, Филипп, привил ему вкус к богатству, роскоши и бесконтрольной власти. И эти два начала раздирали его.

Ему казалось, что он идет освобождать Восток от тиранов и строить новый, доселе невиданный мир, но его войско, тридцатитысячное войско, в котором он знал имя каждого воина, грабило все на своем пути.

Однажды он проснулся в завоеванной Бактрии и увидел, что воины не способны двигаться. Каждый воин тащил за собой коня, а то и двух, нагруженных золотом, серебром и драгоценностями. Он построил войско и приказал все драгоценности выбросить в реку. Воины роптали, но выполнили приказ.

Потом в Индии они вспомнили ему свою «золотую обиду» и отказались перейти Инд. Они восстали против него.

Отчаявшись переломить настроение в своей армии, он мечтал на обратном пути собрать новое, молодое, наглое войско, в крови которого горел бы пламень великих завоеваний.

А это войско, предавшее его, он решил уничтожить. Назад из Индии в Грецию он повел свои «бессмертные» войска самой губительной дорогой через Гедрозию, безжизненную пустыню на пути в Вавилон. Две трети воинов умерли от тягот, лишений, постоянной жажды и болезней. Он хотел вернуться в Вавилон с обескровленной армией, чтобы иметь возможность выписать из Македонии свежие силы. В Персии он набирал в армию вообще всех желающих.

Но к этому времени уже весь мир был против него. Он слишком многое захотел изменить.

Слишком многого он требовал от простых смертных.

Персы, македонцы, бактрийцы, египтяне, индусы. Они сделали его слишком божественным. Сначала греки провозгласили его верховным вождем, потом освобожденный Египет признал его фараоном и сыном Амона. Потом покоренная Персия признала его Царем Царей, и, наконец, индусы признали его – «дхармавиджи» – «завоевателем по праву». Он стал законным хозяином мира, почти богом. Но боги не живут на Земле.

И Зевс забрал своего сына на небеса. Люди отказались от сына бога, они распяли сына бога. И сделают это еще раз через триста с лишним лет и в том же возрасте. Александр оказался мертв в том загадочном, роковом возрасте царей земных.

Хализ опять умолк и долго расхаживал по моей камере.

– Ты знаешь, кто такой Арриан? – спросил Хализ.

– Да, конечно, это личный биограф Македонского, он написал труд «Поход Александра».

– Да, так вот Арриан, – продолжил Хализ, – упоминает о многочисленных дарах, которые преподносили Александру во всех завоеванных частях Персии. Македонскому часто преподносили в дар женщин и мужчин. Все они были хороши собой. Но особенно восторженно он пишет об одной девушке, которую Александру привезли из дальней сатрапии Персии. Она была хороша, как «утренний белый цветок». Ее доставили во время грандиозного пира в Вавилоне. Александр был смертельно пьян, но, когда увидел ее, взгляд его прояснился, и он немедленно удалился с ней в дальние комнаты. Так написано у Арриана, намеков на ее червивую сущность нет, но я уверен, что это та женщина, которая его погубила. Вы на западе склонны считать, что его отравили, но мы на Востоке знаем больше, чем вы там себе фантазируете. Его окружение, македонцы, никогда бы не предали его и не позволили бы отравить. Вся еда и напитки проверялись на собаках и людях, прежде чем их подавали Македонскому. Тем более в последние годы жизни Александр был особенно осторожен и подозрителен. В него впустили яд много раньше, но яд, медленнодействующий, незаметный, такой, причину которого не найдешь никогда. Те, кто задумал это, боялись разоблачения и потому искали идеальный яд. Силы Александра истощались незаметно, болезни разъедали его тело и душу, и он становился слабым и не способным вести войско, а потом умер в агонии.

Хализ воздал руки к небу и долго молчал.

Молчал и я, потрясенный тем, что услышал. Сам того не подозревая, араб начал давать ответы на мои вопросы. Я был поражен тем, что получил первый ответ на мучивший меня вопрос. Вот и «ядовитая девица». Сказать Хализу, что я тоже ищу «червивую женщину»? И тут меня подбросило на ровном месте, да нет, не может быть. Точно, в это невозможно поверить.

Хализ неожиданно продолжил разговор, прервав мои мысли:

– На защитной пластине его боевой кольчуги была выбита голова Медузы-Горгоны. Это значит, что он способен сопротивляться воле богов. Ты понял меня. Ты побеждаешь только тогда, когда твоя воля становится сильнее воли богов.

Боги любят смелых. Богам интересны только те из нас, кто переворачивает мир вверх дном. Если ты сильнее обстоятельств, если заставляешь людей двигаться вокруг себя, ты получаешь власть над временем и возможность изменить мир. И Александр получил от богов право менять этот мир.

Современный мир начался с империи Македонского. Все великие мира сего начинали свои мечты с Александра. До него почти не было ясной истории мира. Герои Трои, их было много, и они покорили лишь один город Азии. А Александр снес голову всему Востоку, установив новый порядок навсегда. Александр – исходная точка всех мечтаний всех великих людей. С него начался наш мир.

Клеопатра будоражила расслабленного и ленного Цезаря рассказами об Александре. Она пыталась освежить кровь великого римлянина, который погряз в отдыхе и разврате египетских искушений.

Наполеон, мечтавший о славе Македонского, воспринимал твою Россию как Персию, – торжественно объявил Хализ. Как огромную империю, колосс на глиняных ногах, который он разрушит очень быстро. Петра он представлял как Дария Великого. Но потомков Петра, как и потомков великого царя Персии, лишь тенями своего могучего предка. А значит, слава

Македонского должна быть покрыта его славой.

Россия – великая восточная империя с феодальными нравами. Он, Наполеон, предводитель молодой республики, и он принесет огромной деспотичной стране освобождение. Он свергнет царя, и новый Восток встретит его ликованием.

Александр так глубоко и основательно потряс мир, что все правители будущего хотели видеть себя продолжателями его дела. Октавиан Август после полного порабощения Египта и вступления в Александрию потребовал открыть золотой саркофаг, в котором лежало забальзамированное тело Александра. Октавиан долго смотрел на тленное тело Царя Царей.

– Теперь я скажу тебе главное. Каждый великий правитель после получения абсолютной власти стремится лишь к одному – изменить мир и сделать его совершеннее. Конечно, на свой манер. Но это стремление, которое появляется у любого абсолют – нога правителя. Когда все желания удовлетворены, открывается бездна в душе. И дальше две дороги – одна сумасшествие, другая – совершенствование мира. Эту пропасть пересекают единицы, способные отличить разврат власти от ответственности за жизни миллионов людей.

Я слушал Хализа, забыв обо всем на свете.

– Однажды придворные одного восточного царька спросили Александра, как ему столь молодому удалось достичь такого могущества, – продолжал Хализ. И он ответил им: «Ибо я стремился обрести многих друзей и делать врагам добро, благодаря этому и стал могущественным».

– Но зависть богов сильнее даже воли самих богов, – произнес Хализ торжественно и пристально посмотрел на меня.

– Так вот, – продолжил он, – Александра сгубила зависть богов. Так говорили приближенные к нему, те, кто оставался верен своему царю до конца. Зависть богов – это самое страшное испытание. Когда от тебя отворачиваются друзья, соратники, твои женщины, подчиненные, слуги. И ведь если бы ты проиграл. Нет, ты победитель, ты зовешь их вперед, но боги уже нашептали им измену в уши.

Хализ замолчал, его лицо стало крайне сосредоточенным и благородным.

Он молча смотрел в небо, густые облака уходили далеко на север. Потом сказал, глядя мне в глаза:

– Меня тоже прокляли боги. Я был хозяином Востока, а теперь как неприкаянный шакал рыщу в безлюдной пустыне, я думаю, что и тебя испытывает зависть богов. Твоя жизнь сейчас не стоит и гроша, но я возвращаю ее тебе, и ты пойдешь великим путем. Ты пройдешь этот путь для себя и за меня.

Через полчаса мы расстались навсегда.

5

Ночью я покинул лагерь. Я с трудом дождался ночи и двинулся в путь. Жара спала, и я легко передвигался по дороге, освещенной луной. Я бежал с легкостью, позабытой с молодости, не ощущая тела и ног. От страха и предвкушения великих открытий я перестал чувствовать свое тело, и ноги несли меня сами. Я бежал, как марафонец, пока не упал от усталости.

Выбившись из сил окончательно, я перешел на пеший ход и через какое-то время добрался до ближайшей деревни. Переночевал в доме, который указал мне Хализ. А утром меня посадили на верблюда, на котором я должен был добраться до стен Каира. По пути меня несколько раз останавливала туристская полиция, но, услышав мой английский, всегда отпускала без вопросов. Я даже услышал от одного из полицейских, что я какой-то сумасшедший турист, который решил объехать на верблюде весь Египет, и он даже читал об этом в газетах.

Через десять часов не самого комфортного передвижения я добрался до дома Залека, моего ближневосточного агента, который искал для меня древности и предметы искусства.

Когда я появился на пороге его дома, он сначала не узнал меня, а потом долго бегал с криками: «Помогите хозяину». Я зашел в дом, разделся и подошел к зеркалу. В зеркале я увидел чужое лицо. Подбородок исчез, кожа натянулась на скулах, в глазах дикий огонь, брови

выцвели. Я не заметил, что похудел. Последние лет пять я весил больше ста килограммов, но никак не ощущал их тяжести. У меня рост 186 сантиметров, крупная кость, и килограммы как-то органично распределялись по моему телу. Меня трудно было назвать стройным, но и полным я никогда не был. А теперь на меня смотрел исхудавший высокий мужчина, заросший, с нездоровым взором. Я несколько минут привыкал к тому, что это я.

Через час я вышел в гостиную, где перепуганный Залек суетился около обеденного стола. Не успел я зайти в гостиную, как Залек засыпал меня вопросами:

– Сэр, что с вами случилось?

– Здравствуй, Залек, – сказал я и присел в кресло.

– Сэр, это не мое дело, но мы вас искали.

– Да, я знаю, ты купил манускрипты?

– Сэр, вас столько не было, и вас волнуют только манускрипты.

– Сейчас, да, так ты купил их, – сказал я металлическим голосом.

– Конечно, сэр, я даже нашел переводчика.

– Отлично, – смягчился я, – где он?

– За ним послать прямо сейчас, – осторожно спросил Залек.

– Да, и немедленно, мы будем работать.

– Но, сэр, – он посмотрел на меня, – вы выглядите изможденным, может быть, вам стоит отдохнуть.

– Да, Залек, отдых понадобится, но потом. Закажи мне номер в «Паласе» и узнай, как я могу добраться до Израиля.

Переводчик появился в доме Залека через двадцать минут, и мы тут же начали изучать текст «Македонский и ядовитая девица». Текст, который меня интересовал, был античной копией сочинения «Тайная тайных». По мнению многих исследователей античности, этот текст приписывался Аристотелю, учителю Александра. Текст, который Залек приобрел для меня, был написан на латыни.

Из манускрипта становилось ясно, что Александру преподнесли в подарок женщину странной, притягательной красоты. Автор текста утверждал, что девица, которую подослали к Александру, была «носителем яда».

Но что это за яд, из текста ясно не было. Автор утверждал, что девица несла смерть на губах и в чреве своем. В тексте указывалось, что Александр чудом избежал совокупления с нею.

Впоследствии, после внезапной смерти Македонского, упоминание о женщине, несущей смерть, обнаружили в «Царском дневнике», который вели при дворе Александра и куда записывались все значительные и необычные события. В дневнике говорилось о «белой лицом и телом женщине», с которой взобрался на ложе Александр. Он был пленен загадочной красотой женщины, которую ему доставили издалека. Она же его и погубила, влив яд в его тело через свои чресла. Женщина была принесена ему как дар из дальней провинции персидской державы после гибели царя Дария.

Другой манускрипт был более живописен и откровенен:

«В Вавилоне, в великом городе Востока, Александр праздновал свою победу над Персией. Со всех концов огромной империи ему доставляли подарки в знак покорности. Из отдаленной провинции ему преподнесли в дар девушку необычной красоты. Александру она понравилась, и он тут же покинул пир, чтобы взять ее.

Утром, когда он проснулся на своем ложе, девушки уже не было. Она исчезла бесследно, и никто из слуг не видел, как она покидала дворец. Александр приказал найти ее и вернуть во дворец. Он был очарован девушкой, но не знал даже ее имени. Поиски ни к чему не привели, она растворилась, исчезла без следа. Скоро Александр позабыл о ней.

Много позже один из слуг Александра, который был родом из Бактрии, узнал, что девушку Македонскому подложили специально и больна она редкой аристократической болезнью, передающейся только в ее роду. Мужчины, которые проводили с ней ночь, начинали беспричинно чахнуть и умирать от физического бессилия.

Через год после этого пира Александр впервые почувствовал, как силы покидают его. Он стал сильно болеть, часто бился в лихорадке. Раны, полученные в боях, нестерпимо болели, и он заливал боль вином. Он все чаще чувствовал слабость в теле, но врачи не находили у него никакой болезни. Они лишь разводили руками и просили царя воздерживаться от вина и любви.

После похода на Индию Александр вернулся в свой великий город – Вавилон, где неожиданно скончался от лихорадки в возрасте тридцати трех лет.

Девушка, носитель страшной болезни, была наследницей того рода, что жил за тысячу лет до Македонского. Она родилась в Городе Роз, и ее семья воспитывала в ней покорность мужчине. Мужчины в этом роду никогда не работали, проводя время за беседами и обильным столом. Дочь свою и родственницу они отдавали сильным мира сего как безмолвную рабыню. В их роду это было единственным ремеслом. Женщины этого рода являются носителями страшной болезни, которая передается мужчине, и он погибает невиданной, мучительной смертью.

В этом роду как у женщин, так и мужчин за сотни лет кровь выработала иммунитет против болезни. Когда в роду рождается красивая женщина, ее продают для черных дел.

На Востоке правители знали об этом роде и покупали такую женщину для изощенного убийства. Ее преподносили в дар правителю. Через несколько месяцев он начинал чувствовать недомогание и через год-два, как правило, умирал. Хотя яд не всегда действовал, и в редких, очень редких случаях мужчины оставались невредимыми.

И все же отчего умирал мужчина, никто не знал. Яд не был изучен. Да и был ли это яд или нет, неизвестно. Старый царь умирал от пылкой страсти к молодой красавице. Это не вызывало сомнений. Но юный Александр, полный сил и мечтаний, отчего умер он?»

Переводчик закончил, и я долго размышлял, сидя в полумраке. Каир шумел всеми звуками большого города. Я встал с кресла, расплатился с переводчиком и пошел спать.

Утром пришел Залек и принес билеты на паром до Хайфы.

На пароме я добрался до Израиля. Быстро нашел свой банк. Пришло подтверждение моего банковского счета и моей подписи, я снял достаточно денег и поселился в неприметном трехзвездном отеле.

Я отдыхаю и почти не думаю о будущем. Какие бы препятствия и ужасы ни снились мне, я пойду «дорогой Александра». Так предначертано судьбой, так говорил Хализ. Знак судьбы и совет сильного человека совпадают и создают единый поток нечеловеческой воли. Я иду вперед за истиной. Я не знаю, за какой истиной, просто я хочу узнать то же, что и Македонский.

Сомнения появляются то и дело, но я гоню их прочь. Деньги раздвигают любые границы и решают любые вопросы.

После короткого отдыха я снова собирался в дорогу. Следующим пунктом моего путешествия должна стать Персия.

На границе я почувствовал слабость в теле. Я решил, что это последствия плена и истощения, но силы испарялись из меня быстрее, чем меня настигала усталость. Потом недомогание вдруг исчезло. Я опять обрел уверенность и жизненные силы.

В начале октября я добрался до главной страны Александра – Персии. Современный Иран, страна Ариев. Отсюда должно было начаться мое путешествие по следам Македонского.

Я увидел разрушенный Александром Персеполь, величественный дворец персидских царей, великий дворец Дариев. В таком разрушенном виде он простоял больше двух тысяч лет. Потом я ездил в знаменитые Гавгамелы – место, где Александр разбил персов, в момент изменив судьбу нашего мира.

После Ирана я отправился в Бухару, следующим пунктом моего путешествия значилась Согдиана – древнее царство, расположенное в Средней Азии, где Александр взял в жены Роксолану. Я остановился в Бухаре, для отдыха.

звонок телефона. Я был уверен, что уже никакая новость не способна удивить меня и спокойно снял трубку:

– Здравствуйте, Владлен Григорьевич.

– Здравствуйте, – машинально сказал я, – кто это говорит?

– А не узнаете, это Вилли Бремер, ваш бывший менеджер.

– Да, – протяжно сказал я, – кажется, узнал. У вас ко мне какое-то дело?

– Да, я думаю, вам будет интересно.

– Я могу узнать, что за дело.

– Завтра узнаете, господин Марьянофф, в три часа я жду вас в чайхане «Айрат», за вами придет машина.

– Да, но... – я не успел договорить, как услышал гудки в трубке.

Хорошо, в конце концов я никуда не спешу. Но интересно, что ему надо от меня, да еще и здесь, в тысячах километров от Европы, и вообще откуда он знает, что я здесь?

Дальше я ничего не помню. Жара и сухой воздух сдавили горло, и я провалился в бессознательное состояние. Очнулся, когда светало. Воздух уже не был таким горячим и раскаленным. Я пошарил глазами по сторонам и увидел работающий кондиционер. Наверное, его включила горничная.

На следующий день мы встретились с Вилли на краю Бухары. Мой бывший обиженный высший менеджер одного из направлений моего европейского бизнеса теперь с удовольствием чеканил мне свои условия:

– Но ведь вы понимаете, о какой женщине идет речь. За такую женщину на Востоке дают табун породистых лошадей, – так начался наш странный разговор.

Но мы не восточные люди, дорогой Вилли, – сказал я, – и с каких пор европеец разговаривает восточной рябью.

– Мы как раз с вами в Восточном полушарии, сэр, и, строго научно, именно на Востоке.

Он выдержал паузу и спокойно продолжил:

– Тот джентльмен предложил мне миллион за молчание. Если вы дадите больше, я расскажу все.

– Расскажешь, что?

– Где найти девушку, которая вам так нужна.

Да такого поворота событий я явно не ожидал.

Я долго не знал что сказать, я перевернул пол-Востока в поисках Эсфиры и ничего не нашел, а этот человек нагло заявляет мне в глаза, что знает ее местонахождение.

– Очень интересно, но сначала я хотел бы знать, откуда ты знаешь, что я кого-то ищу и кто этот загадочный джентльмен?

– О, сэр, именно этот джентльмен и снабдил меня информацией, а по поводу того, кто он такой, он сказал, что вы легко догадаетесь.

Мне ничего не пришло на ум, да и кем бы ни был этот джентльмен, в данный момент он меня не интересовал. Главное, что нить, связующая меня с Эсфирой, невероятным способом опять восстановилась и упускать ее никак нельзя.

– Странно, значит, твой господин позволил тебе торговаться, разве ты не должен делать то, что он сказал.

– Нет, он просто нашел меня и предложил миллион долларов за разговор с вами.

Да, я не зря его уволил. Типичный проводник чужой воли, такие без потерь доживают до пенсионного возраста и обеспеченной старости.

– А где гарантии, что ты говоришь правду? – спросил я.

– Их нет, есть только надежда, – и он глумливо просверлил меня взглядом.

– Хорошо, я согласен, но мне нужно увидеться с твоим хозяином, – сказал я настойчиво.

– Боюсь, из этого ничего не выйдет, сэр, последний раз, когда вы виделись, у вас разговора не получилось, потому-то он и прибег к помощи посредника, то есть меня, так что с деньгами, сэр?

– Хорошо, я дам полтора миллиона.

Он немного помолчал и выпалил:

– Она в руках пиратов Желтого моря.

– И за это я должен миллион и еще полмиллиона.
– Нет, за то, что я приведу вас к ним.
– А дальше?
– А дальше, если останетесь живы, сами решите, что с ней делать, мне чужие проблемы не нужны.

Я сразу все понял. Это Валерий затеял эту безумную игру. Он даже не собирался быть инкогнито, мгновенно раскрыв карты. Самоуверенность просто вызывающая. И, естественно, он знает, зачем мне нужна женщина.

Теперь он еще и усложнил игру, отдав Эсфиру в руки пиратов. Да, никогда бы не подумал, что у него хватит фантазии и денег на такую многослойную игру. Узрамаев – предводитель пиратов. Это самое нелепое, что можно было представить. Да, все это более чем странно.

– Кто их возглавляет? – спросил я после короткой паузы.
– Кого, сэр.
– Пиратов, – зачем-то спросил я.
– Этого я не знаю, господин Марьянофф.
– Отлично, – сказал я, раздумывая, что делать дальше. Хорошо, когда отправляемся на встречу.

– Завтра.
– О'кей, до завтра, Вилли.

Я лег спать. Сплит-система еле справлялась с раскаленным воздухом. Спал я очень плохо, постоянно просыпаясь в липком бреду. Я не мог поверить в то, что моя жизнь в руках этого проходимца Узрамаева. Неужели желание быть первым его настолько остервенило, что он решил уничтожить меня таким изощренным способом. Да, врагов своих нельзя недооценивать.

Утром Вилли в помятом белом костюме ждал меня у входа в отель. Он напоминал мне начальника английского экспедиционного корпуса, случайно высаженного где-то в Азии.

– Здравствуйте, сэр.
– Доброе утро, Вилли, как спалось?
– Думаю, не лучше, чем вам, я не люблю такую духоту.
– Самолет готов? – спросил я.
– Да.
– О'кей.

Через полчаса мы вылетели на выдавшем виде «Дугласе» и вечером сели на запасной полосе маленького аэропорта где-то в Юго-Восточной Азии. Нас ждал выдавший виды «мерс», на котором мы отправились на побережье. На берегу уже стоял катер, доставивший нас до острова Фу Ванг, тайной резиденции пиратов Южно-Китайского моря. Нас встретил рослый азиат, по виду которого было понятно – он здесь главный.

Разговор пришлось начинать мне. Мы говорили по-французски.

– Вы знаете, что я ищу женщину.
– Да, – сухо сказал азиат.
– Она мне нужна.
– Плати выкуп.
– Сколько?
– Сто миллионов долларов.

Я остолбенел, даже для меня это были огромные деньги. Я все понял. Валерий знал, что значит для меня эта женщина, и понимал, что я выложу за собственную жизнь любые деньги. Но откуда он узнал про Эсфиру – вот вопрос, который мучил меня теперь.

– О'кей. Деньги будут завтра, – сказал я спокойно. – Где и когда мы встретимся.
– На Безымянном острове в половине первого.
– Договорились.

Мы вернулись на материк. Я связался с Сингапуром, с филиалом моего английского банка. В банке мне пообещали подготовить чемоданы с деньгами к 12.00. Ладно, пора спать, завтра я получу женщину и свою жизнь обратно. Это все, чего я хочу сейчас.

В половине первого я в сопровождении нескольких охранников высадился на острове, но никого не встретил. Мы прочесали остров вдоль и поперек, но никого не нашли. Я даже вызвал поисковый вертолет, но он тоже ничего не обнаружил. Ни пиратов, ни Валерия, ни Эсфиры. Что-то спугнуло их. Но что?

Вероятно, Валерий затеял более сложную игру, и мое безусловное желание заплатить выкуп не входило в его планы. Но ведь он должен был понимать, что за Эсфиру я отдам любые деньги, или он не знает всей правды о ней. Да нет, простая логика подсказывала, что знает, конечно, знает, ЗАЧЕМ мне нужна Эсфира. Тогда что не так?

Я сел на берегу и закурил сигару. Через полчаса один из моих охранников обнаружил послание, которое лежало в сундуке на берегу острова. Я развернул листок помятой бумаги и прочитал:

«Ты не получишь ее никогда и будешь умирать в медленных муках. Я мог бы тебя уничтожить прямо сейчас, когда ты читаешь эти строки, но это неинтересно и банально. Тебе повезло, я сделал тебя вторым игроком в моей Великой Игре. Это очень почетно даже для тебя.

Найди ее и попробуй отнять, время пошло, игра заканчивается 31 декабря. Если ты опоздаешь, ей перережут горло».

Да, он мог бы убить меня здесь, на острове, достаточно снайпера где-нибудь в джунглях. Но Валерий решил насладиться моим бессилием и увидеть поражение. Именно в этом и заключается его ошибка. Таких, как я, надо пристреливать сразу. Я доберусь до него, и он пожалеет, что затеял эту безумную беготню по всему миру.

Деньги я вернул в банк, и снова мои сыщики начали «сканировать» Юго-Восточную Азию. Далеко они не могли скрыться. Теперь все, что интересовало меня, – это откуда Валерий узнал об Эсфире. Остаться на острове не имело смысла, и я решил перебраться поближе к цивилизации в Таиланд.

7

С буддийским спокойствием ожидал я своей участи. Я потерял нить, связывающую меня с женщиной, и все, что оставалось мне, это сидеть и ждать. Но чего? Валерий и его банда на связь не выходили, мои агенты за десять дней не обнаружили никаких следов Эсфиры.

Я уже привык к слонам на улицах Бангкока и воспринимал их не большим препятствием, чем грузовики на улицах Европы. Я поселился в скромном семейном отеле, роскошь мне была уже ни к чему. Я хотел только тишины и покоя. Хозяйка отеля каждое утро приносила чай из трав. Я выходил на улицу после обеда и бесцельно бродил по Бангкоку.

Однажды я забрел в монастырь Ват По. Здесь находится самая большая статуя лежащего Будды.

Я пошел посмотреть на него, для того чтобы осознать его величие и бренность моей жизни.

Тверитинов звонил по десять раз на день, но меня это уже не интересовало. Там, дома, – жена, дети, бизнес, друзья, власть, могущество. А здесь, на другом краю мира, я – один.

Здесь просто я. Нет миллиардера, нет вершителя судеб, нет человека, сверявшего свои дела с деяниями великих. Есть просто Влад Марьянов, ЧЕЛОВЕК. И я бессилён – мои деньги, связи и возможности в этой бешеной игре ничего не значат.

Вечером я вышел на улицу и увидел свет в ночи. Странное действо тайцев – Праздник света, Лой Кратхонг. В этот день тайцы пускают на воду кратхонги – маленькие лодочки, в каждой из которых горит свеча. Тайцы верят, что эти жертвы богам вернутся им очищением от грехов. Я тоже пустил такую лодочку и сел на берегу реки, ожидая конца.

Не помню, как я пришел в себя. Солнце разогревало Землю. Я услышал звук, нарастающий постепенно. Звук телефона. Инстинкты западного человека проснулись во мне моментально, я снял трубку и услышал.

– Марьянофф, ты еще жив?

– Странный вопрос, – ответил я равнодушно. Я выдержал паузу и показал врагу, что контролирую ситуацию. Такое спокойствие удивило меня самого.

– Ничего странного, хорошо, правила меняются, она будет ждать тебя на Острове женщин три дня, потом ты не найдешь ее никогда, – голос Узрамаева, без сомнения, наглый и самоуверенный.

– А где это? – спросил я почти спокойно.

В ответ гудки. Хорошо, доза адреналина введена, есть следующая цель.

Я захожу в первый интернет-клуб Бангкока. Набираю в поисковой системе – Остров женщин. Результат поиска – Мексика, Канкун. Отлично, я – в аэропорт, снимаю с карточки пятьдесят тысяч долларов.

Я – в аэропорту, подходит моя очередь в кассу. Я протягиваю две купюры по одной тысяче долларов США и торжественно объявляю: «Один билет до Мехико».

– Это невозможно, сэр, – говорит мне кассир.

– Почему?

– Сезон дождей, рейсы отменены на три дня.

Три дня, именно три дня. Сволочь, он знал это наверняка. Нет, не может быть, я потерял контроль над собственной жизнью, я скрываюсь от жены, детей, Тверитинова, потому что не могу им вразумительно объяснить, где я, что я делаю и когда вернусь домой. Я совсем потерял контроль над собой и бессмысленно метался по залам аэропорта.

Только через пару часов я взял себя в руки и начал думать, что делать дальше. Единственный выход – удивить себя и его. Я нахожу частную авиакомпанию. Летчик и штурман соглашаются лететь за двадцать тысяч долларов.

– Вылет немедленно, – говорю я, сбиваясь на крик.

– О'кей, сэр, через полчаса взлетаем.

Полоса аэропорта раскалена до пятидесяти градусов по Цельсию. Я еле пропускаю удушающий мокрый воздух в свои легкие. Пилот заводит мотор. Я сажусь в хвосте самолета. Через пятнадцать минут мы взлетаем, но буря накрывает нас и после тридцати минут турбулентности прижимает к Земле.

Мы садимся на какой-то остров. Посадка проходит тяжело, самолет крыльями задел деревья. Я сильно ударился головой о ручку сиденья и очнулся через несколько часов с дикой головной болью и ломотой во всем теле. Сердце бешено стучало, требуя кислорода. Я в бреду видел московскую зиму, мороз и белые сугробы.

Очнулся я ночью, и первая мысль больно резанула. Кто-то невидимый заправляет игрой, в которой я пешка. И это не Валерий. Нет. Я понял это совершенно очевидно. Он слишком прост и банален для таких ухищрений. За ним кто-то стоит, кто-то всемогущий и авторитетный в этой части света. Лабиринт, по которому я блуждаю последнее время, не имеет никакой логики, и главное, непонятно, есть ли у него конец. С этими мыслями я провалился в тяжелый больной сон.

Утром я проснулся от сильного шума, доносившегося с океана, это был шторм. Он стих только к вечеру. Я достал спутниковый телефон, он не работал. После полудня, чтобы хоть как-то развеяться, я решил исследовать остров. К счастью, он не только оказался обитаем, но и имел небольшую бухту с транспортом. После часа общения с местным населением я нашел яхту и англоговорящего капитана, который согласился плыть до ближайшей материковой земли без предоплаты, взяв в залог мою кредитную карточку.

Мы вышли из бухты вечером. Два дня прошли спокойно. Я отдохнул, чувствовал себя бодро и даже занялся рыбалкой. На третьи сутки плавания в полный штиль к нам подошел баркас, и несколько человек с него перешли на яхту. Их внешний вид не оставлял сомнений, это джентльмены удачи, легендарные пираты Южных морей. Предводитель банды, рослый человек с золотыми зубами, подошел ко мне и спросил на ломаном английском:

– Ты здесь хозяин?

– Я, – почему-то уверенно выпалил я.

– У тебя есть два способа выжить: первый – мы выбрасываем вас в море, второй – на

необитаемый остров.

– А что будет с яхтой? – зачем-то спросил я.

В ответ раздался громкий хохот пиратов, и главный, близко придвинувшись ко мне, тихо сказал:

– Она теперь моя.

Я думал недолго и, естественно, выбрал второй вариант. Количество приключений и злоключений на одну человеческую голову становилось просто не выносимым. Меня испытывали, как мальчишку, которого загнали в угол и не дают перевести дыхание. Какая-то странная гонка на выживание продолжалась, и каждый мой ход должен был быть настолько осмотрительным, насколько я хотел выжить в этой безумной игре.

На следующий день нас высадили на необитаемый остров. Я говорю нас, потому что пираты высадили на острове вместе со мной еще несколько европейцев и команду яхты.

Мы осмотрели остров за несколько часов. Почти всю его территорию покрывал пляж, уходящий за горизонт. Синева моря и ослепительная белизна песка больно отражались в глазах. Я чувствовал себя неважно. Колени болели, утром не было сил подняться, аппетит почти исчез. Европейцы и тайцы все время молчали, и никто не решался заговорить первым.

Вечером следующего дня мы наконец собрались на совет, чтобы решить, что нам делать. Среди нас оказались два англичанина, один швед, три тайца и я. Мы оценили наше положение и решили выставить круглосуточный дозор, рассчитывая привлечь внимание проходящих в этих водах судов.

Вечером около сигнального костра я сидел на берегу, докуривая свою последнюю «Кохибу», как вдруг раздался звонок телефона. Я сразу не понял, что это за звук. Звонил мой спутниковый телефон. Я даже не успел понять, почему он вдруг заработал.

– Алло, – сказал я осторожно.

– Алло, Владилен Григорьевич, это вы?

– Да.

– Это Елена, мы потеряли вас. Виктор Евгеньевич вышел на спутниковую связь и активировал ваш телефон.

– Ленусик, высылайте подлодку, координаты определите через спутник, мы в Юго-Во...

Дисплей телефона погас. Кончилась зарядка. Ладно, это уже не важно. Они все равно найдут нас через датчик местонахождения, встроенный в телефон, в этом я был уверен. Вот это чудо, которого я ждал. Наконец силы на моей стороне вступили в игру. Имея под рукой подлодку, я уже получал шанс на выживание.

Времени на острове оказалось так много, что его некуда было девать. Я, привыкший к быстрой смене событий, вдруг обнаружил другое измерение жизни. Не то что обнаружил, я его до сих пор вообще не знал, не ощущал. Я в тропическом раю, и впереди много дней вынужденного отпуска, который свалился на меня и моих спутников так неожиданно. Европейцы, как и я, оказались жертвами пиратов и находились в полной растерянности. Они плавали на собственной яхте по Индийскому океану. Пираты напали ночью, связали их, а яхту, естественно, отобрали. И вот теперь мы оказались в одной компании.

Мы слонялись по берегу острова почти неделю. Еды и питья у нас было достаточно, да и что-то мне подсказывало, что умереть с голоду нам не дадут. На четвертые сутки нашего пребывания на острове дежурство у костра досталось шведу. Той же ночью мы все проснулись от криков Йориса, который поджег костер, уверяя нас, что увидел в ночи белый парус. Мы долго вглядывались в горизонт, но ничего не заметили. Швед мог и ошибиться, после недельного ничегонеделания психика у нас начала сдавать. Ему вполне мог померещиться белый парус.

Зато утром вполне отчетливо в акватории острова нарисовалась яхта тайца вместе с пиратами.

Прятаться было бессмысленно. Мы остались на берегу в ожидании развития событий. Главный пират спустился на берег и тихо спросил:

– Кто зажигал огонь?

Мы все растерялись от удивления. Значит, за нами следят, и Йорис не ошибся, он правда видел судно, и этим судном оказалась наша бывшая лодка.

Значит, мы им зачем-то нужны, это очевидно. А, может, им нужен только я? Надо пообщаться с европейцами серьезно, подумал я. Мы торчим на острове больше недели, а так ничего друг о друге и не узнали.

– Так, ответа я, похоже, не дожусь, – сказал пират довольно равнодушно, – отлично, немедленно все на яхту, уходим на Суматру.

Нас насильно загнали на борт, но никак не ограничивали свободу передвижения по яхте. Ночью, выйдя на палубу, я решил проверить свой телефон. Я хотел убедиться, что передатчик еще работает, хотя уже почти не верил в это. Я попытался активировать телефон, экран загорелся на секунду и тут же погас.

Я не успел положить телефон в карман, как на палубе появился златозубый предводитель.

– Что вы здесь делаете? – спросил он с раздражением на корявом английском.

– Дышу воздухом, – спокойно ответил я.

– Ясно, а что у вас в руках? – резко спросил он и посмотрел с подозрительностью на мои руки, скрещенные сзади.

Я быстро сообразил, какие последствия могут быть, если он обнаружит у меня телефон, и тут же выбросил трубку за борт.

– Ничего.

Он молча подошел ко мне и грубо осмотрел с ног до головы.

– Идите спать, немедленно.

Я спускаюсь в каюту, где все мои спутники уже спят. Настроение ужасное, последняя связь с миром потеряна, впереди неизвестность. Я так и не смог заснуть в эту ночь.

Часов в девять мы прибыли на какой-то остров. Нас высадили на берег и как будто забыли о нашем существовании. Нас никто не трогал, и даже создавалось впечатление, что мы свободны.

Через несколько дней я начинаю задумываться о побеге. Я теряю время, время своей жизни, и сидеть сложа руки означает только одно – смерть. О побеге я никому не говорил, но каждый раз убеждался, что он невозможен. Я плохо представляю, где нахожусь, к тому же начались штормы, пусть и не сильные, но грозные.

На десятые сутки пленения капитан пиратов сообщил нам, что мы уходим в другой порт, где будем ждать развития событий. Я даже поинтересовался: развития каких событий мы так упорно ждем, но в ответ только получил молчание и напоминание о дуле автомата, всегда нацеленного на меня.

Через сутки нас высадили на острове Малингеи, недалеко от Суматры, с провизией на три недели.

– Вы здесь в полной безопасности, – пояснил главный.

– В безопасности от кого? – спросил я.

– От всех, здесь не более пятисот жителей, и никто не будет спрашивать у вас, кто вы и откуда.

– А что потом?

– Потом получите новые указания.

– Указания, – поинтересовался я, – от кого?

– От бога, – сказал пират, – вознося руки к небу, поправил рукоятку ножа у себя на поясе и рассмеялся буйным смехом.

– Вот это да, – произнес я, теряя чувства реальности и опасности, – это что, сам Будда спустится к нам.

– Не дерзи, западный человек, – пригрозил пират, – боги бывают разными, и твоя судьба сейчас в их руках.

Я улыбнулся, давая понять, что смеюсь над его словами, и в этот момент что-то тяжелое обрушилось на мой затылок.

Очнулся я посреди джунглей в окружении своих спутников. Вид их был ужасающим. Они

сдались на волю обстоятельств и совершенно не знали, что им делать. Я был почти уверен, что все их злоключения из-за меня и потому решил поговорить с ними основательно.

Выяснил я следующее. Англичане плавали на своей «Фраттини» по Индийскому океану около месяца. Все трое оказались совладельцами фирмы, производящей программное обеспечение для оборудования, обеспечивающего сотовую связь. Швед шел одиночкой на своей яхте через Тихий и Индийский океаны. Йорис никогда нигде не работал и занимался только яхтенным спортом. Его тренер всегда находил спонсоров для его путешествий. Вот и на этот раз он пошел в кругосветку на деньги крупнейшего оператора сотовой связи в южной Европе.

Таким образом, я вроде бы обнаружил некую связь между иностранцами – и там и здесь замешаны операторы сотовой связи. Но, скорее всего, это совпадение, ведь я не имею к сотовой связи никакого отношения. Да, дело путаное, и ясности в нем нет никакой.

После нашего разговора мы пришли к единому мнению о побеге. Мы решили не сидеть сложа руки и вырваться из плена любой ценой. Я попытался найти контакт с местным населением, но от нас шарахались, как от прокаженных. Видимо, местные жители боялись пиратов и никак не хотели вступать с нами в контакт.

Дней пять мы слонялись по острову, обдумывая перспективы побега. На шестые сутки море стало настолько беспокойным, что предвещало большой шторм. Мы укрылись в хижине, в которую нас поселили пираты. Она располагалась на небольшом возвышении в центре острова. Утром следующего дня шум моря стал нарастать, пока не превратился в невыносимый, пробирающий до костей рев. Рев нарастал с ужасающей силой, пока мы не почувствовали, как остров содрогнулся. Казалось, земля проваливается у нас под ногами.

Невиданное цунами накрыло остров. Волны высотой более двадцати пяти метров растерзали все постройки на острове, но не дошли до нашей хижины. Мы ждали воду, были готовы ее увидеть, но не знали что делать.

От сырости и недостатка воздуха я начал бредить. Цифры, коды, счета, шифры, тайны – все, что я знал и хранил в себе, кружилось в моем воспаленном мозгу дикой бессмысленной каруселью. Никто, кроме меня, не найдет мои счета, мои тайники, мои сокровища. Нужно рассказать об этом детям и жене. Открыть им доступ к финансам и счетам. Да, так я и сделаю, я так и сделаю, обязательно сделаю...

Я потерял счет времени. Мне снились нимфы, сирены, загадочные острова и фантастические животные. Утром я очнулся от дневного света, резко ударившего мне в глаза. Я огляделся вокруг и увидел своих спутников, спящих в диких, неестественных позах.

Еле живые и не понимающие до конца, как спаслись, мы вышли из хижины. Англичане выглядели плачевно. Йорис еще как-то держался на ногах, а тайцы только и делали, что повторяли одну и ту же молитву. Я чувствовал себя полностью разбитым. Мы обошли остров и обнаружили, что живых не осталось. Все постройки были разрушены, деревья повалены, земля растерзана на куски.

Через час на северной стороне острова в небольшой лагуне мы наткнулись на баркас. Я, конечно, принял его за мираж, но судно было реальностью. Прямо перед нами стоял не тронутый стихией баркас.

После осмотра выяснилось, что у него почти полные баки топлива и отсутствуют какие-либо повреждения. Как он здесь оказался, было загадкой. Если бы его выбросило сюда волной, он бы получил повреждения. Но судно было совершенно невредимым снаружи. Как такое могло произойти, я не понимал.

Мы обследовали судно, и к своему удивлению не обнаружили никаких поломок. Баркас легко завелся, и мы вышли в море. Погода стояла чудесная. Бирюзовое небо сливалось с таким же бирюзовым морем на горизонте, и баркас скользил по воде легко и быстро.

Потом, через несколько месяцев, я узнал, что ни один житель острова не спасся. Гигантское цунами растерзало остров, смыв с него все. Официально на острове погибли все. О нас ведь никто не знал. Как мы уцелели, я не понимаю до сих пор.

На баркасе не оказалось рации, навигация тоже отсутствовала. Из приборов был только компас. Но и он оказался бесполезен, так как мы с трудом представляли свое местонахождение.

Оставалось одно – плыть, куда глаза глядят. Не самая лучшая стратегия, но единственная в нашем положении. Меня грела только одна мысль, что где-то рядом меня ищет моя подводная лодка. Я тысячу раз благодарил себя за то, что купил себе дорогую игрушку, которая теперь является моим единственным спасением в этом окончательно спятившем мире.

8

А в это время моя подлодка выходила в океанское плавание ранним утром из акватории Марселя, где стояла на профилактическом ремонте, и взяла курс на Юго-Восточную Азию. Капитан Альберт Джангарян с трудом представлял, как он организует поиски, но наметил себе первым пунктом Южно-Китайское море. Он связался с Интерполом и узнал места, где чаще всего пропадают суда. После получения информации Джангарян принял решение прочесывать квадрат за квадратом в море и все острова, находящиеся в этом районе. Он включил спутниковую систему, которая определяла мое месторасположение даже по выключенному телефону. Капитан не знал, что мой телефон покоится на морском дне и уже не способен принимать сигнал. Последнее запеленгованное положение телефона было в районе острова Суматра.

На седьмые сутки подлодка вошла в Южно-Китайское море. Но я об этом, естественно, ничего не знал.

Я плыл на баркасе уже вторые сутки. Раскаленное солнце переливалось на глади моря. К вечеру, когда жара наконец спала, я провалился в дремоту и передо мной всплыл храм Боробудур.

Волшебный храм Боробудур – «Открытая книга Будды». Храмовый комплекс на острове Ява, представляющий собой открытую книгу, воплощенную в камне. На фронтонах храмовых стен расположены надписи, которые являются учением Будды. Я посетил этот храм лишь однажды и оказался зачарованным этим местом навсегда. Какая-то другая мудрость, отличная от нашей западной, управляла этим загадочным местом.

Послушник буддийского монастыря овладевал знаниями минимум за двадцать лет, постоянно находясь в Боробудуре. Я видел нечто подобное и в Бирме, в храме Кутодо, где на табличках выбиты тексты буддийских заветов.

В бреду, не осознавая границы сна и яви, я пытался получить связь всего, что со мной происходило: Хализ, олигарх, Македонский, Будда, игра, время, Эсфира.

Бремя власти и денег, которое я не ощущал раньше, вдруг начало давить на меня. Чувство нереальности происходящего усиливалось. Я был в какой-то другой жизни, не принадлежащей мне, между реальностью и вымыслом, между телом и духом. Передо мной стоял буддийский монах. Я смотрел, как солнце скользит по крышам пагод, когда услышал тихий голос:

– Доброго вечера.

Я обернулся, передо мной стоял монах в рыжем одеянии.

– Добрый вечер, – сказал я и поклонился.

– Вы что-то ищете? – спросил он учтиво.

– Да, – ответил я, – и промолчал, зная, что на Востоке сразу все не говорят.

– Здесь ищут истину, – сказал монах учтиво.

– Да, я тоже ищу истину, – сказал я, – истину власти.

– Власти над людьми или власти над собой?

– Власти вообще, – сказал я.

Монах улыбнулся и показал мне знаком, чтобы я шел за ним. Мы поднялись на верхнюю площадку и подошли к одному из изображений Будды. Под улыбающимся Буддой были начертаны изречения.

– Тебе нужно вот это, – сказал монах и перевел на английский:

Власть есть слабость сильного, отдай силу слабым и получи власть над всеми.

Он долго смотрел на меня, улыбаясь невинной улыбкой ребенка. В этой улыбке не было издевательства или превосходства. Это была именно улыбка ребенка, который, раскрывая

истину взрослому, бескорыстно радуется, что дарит тебе нечто бесценное и простое.

– Надеюсь, у тебя достаточно времени, чтобы понять эту мудрость, – сказал монах и незаметно для меня растворился в лучах закатного солнца.

Теперь у меня было очень много времени, чтобы понять всю эту мудрость.

Все так просто. И за этой истиной Македонский шел сюда. Да, прочитать это не сложно, а вот понять и выполнить. Понять ее смысл, когда ты хозяин над миллионами, когда ты теряешь чувство реальности и кажется, что они должны подчиняться тебе просто так. Но всегда, именно всегда, приходит Момент Истины. Не насилие, а справедливость дает в руки правителя вечную власть...

Я проснулся ночью, баркас тихо шел вперед, все спали. Южная ночь с ее ярким звездным небом простиралась до горизонта. И тут же я вспомнил, почему я здесь. Это привело меня в ярость. Я не контролирую ничего в этом мире и лишь жду телефонных звонков, чтобы погрузиться в раздумья о собственной жизни. Что делать, что предпринять, как найти выход. Все так смешалось в голове. Я не имею четкого плана и действую по обстоятельствам. Хотя это трудно назвать действием. Как действовать, когда я в открытом море и не знаю, куда меня несет.

Мои размышления прервал звонок сотового телефона. Я своим ушам не поверил. Я шарил по ящикам на рубке баркаса минут десять и нашел телефон. Тут же открыл флип и увидел пропущенный номер. Я набрал номер заново, ожидая услышать английский или французский, но услышал родную речь:

– Ну как, Марьянофф, тебе нравится наше кругосветное путешествие. Это был голос Узрамаева и не просто голос, а рупор победителя, гром Зевса среди ясного неба.

– За мои деньги ваше путешествие, забавно, – быстро нашелся я.

– Жизнь – это жестокая игра на деньги, тебе ли не знать, Марьянофф.

– В этой игре слишком много случайностей.

– Ты веришь в случайности, Марьянов, зря, их не бывает. Все случайности находятся в руках людей, и сейчас я моделирую события и обстоятельства твоей жизни, и, значит, я для тебя бог.

– Ты сказал, что все случайности находятся в руках людей, причем же здесь боги.

– Одни люди становятся богами для других.

– И что это значит?

– Твои обстоятельства в наших руках.

– В «ваших руках», – спросил я с издевкой.

– Да, в руках бога, – продолжал он с пафосом.

– Я не верю в бога.

– А это и не требуется. Неужели ты думал, что после такого цунами может сохраниться хоть что-нибудь. Цунами длилось не более получаса. Ты и твои спутники были в забытьи, и мы просто подогнали баркас.

– Спасибо.

– Бог не нуждается в твоём благодарении.

– Послушай, Валерий, на бога ты не тянешь, для такой игры ты слишком практичен и простоват, она тебе не по карману.

– О'кей. Ты, конечно, smart-boy. Да, я не бог, но я его пророк.

– Хорошо, пророчице, кто твой бог и чего он хочет от меня?

– Узнаешь, когда придет время.

– Время, это как раз то, что меня интересует сейчас больше всего.

– Тебя должно интересовать не время, а обстоятельства.

– Очень интересно, а что делать сейчас?

– Плыви.

– И?

– Боги дадут себе сигнал.

– Какие боги, – спросил я и в ответ услышал в трубке гудки.

Да, эта игра в богов походила на фарс. Но ведь кто-то заставил его передать мне свою

волю. И этот кто-то очень сильный человек. В этом не было сомнений. Человек, который хотел, чтобы его считали богом. Где-то я уже сталкивался с такими желаниями.

Я всегда панически боялся морских путешествий. Я бы лучше провел сутки в самолете, чем сутки в океане. Но за последние два месяца я пропитался морской солью и стал морским волком. Я разговаривал с океаном на ты, и он признал во мне равного. Я спокойно спускался под воду. Раньше я бы не опустился под воду в гидрокостюме и с парой охранников. Теперь жизнь заставила меня избавиться от страхов, и я чувствовал себя спокойно в воде, кишасей акулами и барракудами, я чувствовал себя под водой, как Ихтиандр.

В начале декабря моя подлодка нашла меня. Джангарян всплыл на поверхности Южно-Китайского моря утром тринадцатого декабря, и через два часа мы столкнулись нос к носу: мой баркас и моя подводная лодка. Уже через полчаса я перебрался на лодку и приготовился к бою. Мы с Джангаряном решили прочесывать море в поисках пиратов. Телефон, по которому со мной связывался Узрамаев, я взял с собой.

В это же время мои детективы продолжали поиски Эсфиры на суше. По сведениям сыщиков, девушка, которая была мне нужна, находилась тоже в Юго-Восточной Азии. Последнее место, где ее видели, – Сингапур, ресторан «Красный скорпион».

После этой информации я высадился в Сингапуре и активизировал поиски Эсфиры, буквально поднимая на ноги весь город.

Как и следовало ожидать, раздался телефонный звонок:

– Марьянофф, мы ждем тебя в Сингапуре, – тихий и уверенный голос Узрамаева.

– Очень хорошо, я уже здесь. Я в Сингапуре и жду развязки вашей глупой, явно затянувшейся игры.

– Как это, в Сингапуре? – голос Узрамаева изменился до неузнаваемости.

– Вот так, мой дорогой, я стою в центре города и надеюсь на продолжение игры.

То, что Узрамаев был поражен, я чувствовал даже по телефону.

– Итак, где твой господин, Валерий?

Тишина в трубке длилась более минуты, потом я услышал хриплый разочарованный голос:

– Хорошо, тебя ждет встреча с господином.

– С господином чего? – спросил я.

– С господином Азии.

– Давно жду.

9

Итак, мы встретились с «господином Азии». Господина звали У Хань. Мы встретились через два дня после разговора с Узрамаевым.

«Бог» оказался высоким крупным мужчиной с властным взглядом и мощной энергетикой. У Хань торжественно и помпезно сообщил мне о великой дуэли, которая ждет нас. Так решили боги, сказал он. Я был удивлен и потребовал объяснений.

– Вы купили вещь, которая мне очень нужна.

Я удивился, но ничего не успел сказать.

– Вы ведь собираете личные вещи Александра Великого.

– Да.

– Ну так вот, некоторое время назад вы купили вещь, которая мне была нужна, а именно – сбрую его коня.

– Да, – сказал я, – она обошлась мне дорого.

– Я дал бы за нее сумму в десять, двадцать раз большую, чем заплатили вы, но этот идиот брокер побоялся торговаться дальше. Его убрали за эту фатальную ошибку.

Ну, раз она была так важна для вас, вы могли бы предложить мне деньги за нее.

– Да, важна, но зачем она мне, никто не должен был знать, хотя теперь это уже не важно.

Вам нужна женщина, мне сбруя.

– Жестокая игра получилась.

– Сейчас это уже не важно, нас ждет великая дуэль.

– Дуэль? – спросил я.

– Да, так предначертано. Мы решим спор японской рулеткой.

– Что это значит?

– Выберем ресторан без лицензии, в котором подают фугу. Вы знаете, что она содержит смертельный яд. Кто выживет, тому достается все – и женщина, и сбруя. Если выживем оба, следующий поединок на мечях. Я слышал, вы умеете держать японский меч.

– Да, умею, – сказал я, – но разве ресторан может быть полем битвы, – произнес я железным тоном.

– Да человек с Запада всегда остается человеком с Запада, для вас битва не битва, если нет крови, и после этого вы нас считаете недостаточно цивилизованными.

– Хорошо, я принимаю условия, вы правы, но только объясните мне, зачем вам понадобился этот жалкий человек.

– Кто, господин Узрамаев? Так ведь он ваш конкурент, я предложил ему купить ваш бизнес.

– Купить? – удивился я.

– Да, чтобы контролировать вас.

– Ясно, а ему вы что обещали за меня?

– Мировое господство в офисной канцелярии.

– Да, правильно, на меньшее он бы не согласился.

У Хань сообщил мне, что боги нашептали ему. Он должен поразить врага, не причинив ему вреда или боли. Вот почему он берег меня. Вот почему каждый раз, когда я оказывался в полушаге от гибели, меня спасали.

Бред какой-то. Неужели он говорит правду, и я пересек полмира только по его воле. Мысли в голове путались. Он следил за мной, создавая одни страдания и оберегая от других. Я решительно ничего не понимал, пытаюсь выстроить логику событий, произошедших со мной за последнее время. Я мысленно восстановил весь свой путь от Египта до Индонезии и вдруг вспомнил, как старый монах в Ангкоре рассказывал мне о древних кхмерах. Для устрашения врагов они делали тонкие надрезы на шее как предупреждение или вывозили их на необитаемые острова и бросали на произвол судьбы. Они избегали убийств, оставляя врагу жизнь и предоставляя судьбе решать участь врагов. Они влияли на врага страхом, загоняя в тупик обстоятельств, из которых нет выхода.

– Для абсолютной справедливости я даже нанял так называемых «арбитров», – прервал мои размышления У Хань. Те трое англичан, что были узниками вместе с тобой в Афганистане, были арбитрами и следили за правилами моей игры.

– Игры... вы называете это игрой, в мою машину стреляли из гранатомета, и вы это называете игрой.

– Это не моих рук дело, – спокойно сказал У Хань.

Я даже опешил, но не знал, что говорить дальше, какой-то дикий круговорот абсурдных обстоятельств властвовал надо мной.

– Значит, это не вы организовали покуше...

Я не успел закончить, как У Хань резко прервал меня:

– Нет, я уже сказал вам, это покушение было неожиданностью даже для меня и мне пришлось задействовать очень серьезных людей, чтобы вытащить тебя оттуда.

Я был удивлен. Значит, «бог» все же не всемогущий.

– Да, даже вы не способны контролировать все, – сказал я со всей язвительностью, на какую был способен.

– Вы не правы, молодой человек, я способен, – уверенно сказал У Хань.

– А как же Хализ? – спросил я.

– Хализа нашел я.

– Вы, – удивленно сказал я, – но для чего?

– Ты должен быть обязан ему своей жизнью.

– Но ведь мы разговаривали с ним о Македонском.

– Да, именно поэтому я и послал его к тебе, он должен был направить тебя на путь страданий.

– Страданий, – спросил я, – что это значит?

– Это, значит, искать то, чего нет на Земле.

Все события этого года пронеслись в моей голове. Я вдруг вспомнил, что голоса англичан, которых подобрали пираты и которые плыли со мной, очень похожи на те голоса, что я слышал в Египте.

– Значит, те англичане, которых подобрали пираты это «арбитры», – сказал я обреченно.

– Да.

– Но как же они попали в плен?

– Они и не были в плену, их поселили рядом для того, чтобы они следили за тобой.

– А как же арабы?

– У меня много друзей на Востоке. Мы быстро нашли тебя и англичан подсадили всего на один день, чтобы проверить, как ты себя чувствуешь. У меня огромные связи, западный человек, в том мире, в котором ты ничего не смыслишь.

– Значит, Хализ отпустил меня по вашему приказу?

– Да.

В моей голове все окончательно перемешалось.

– Хорошо, – сказал я, – а норвежец.

– А он оказался в нашей истории случайно, да и хлопот от него было много.

– Но он жив?

– Конечно, а зачем мне его смерть?

– Да, вам нужна только моя.

– Необязательно, вы на Западе понимаете все буквально и не видите тайный, главный смысл вещей. Я хочу предложить вам выйти из игры любым способом, который вас устраивает.

Я сильно изумился, но спросил определенно:

– А что вы подразумеваете под способами?

– Опять же не то, что вы думаете. Я не жажду вашей смерти и предлагаю вам честную дуэль.

– А что на кону?

– Все, – многозначительно сказал У Хань и обрушил на меня свой взгляд.

– Насколько я знаю, все может принадлежать только одному из нас.

– Вы совершенно правы, вот мы с вами и выберем одного.

У Хань встал, прошелся взад-вперед и сказал мне:

– Наш спор должен быть честным, и у каждого будут равные шансы на победу, так угодно богам.

– Хорошо, – спокойно ответил я.

За время моего пребывания на Востоке я уже привык к тому, что люди здесь мыслят шире и глубже, чем мы. Сильный человек, в руках которого я оказался, совсем не стремился уничтожить меня грубой силой. Он хотел победить соперника в честном поединке. Победа любой ценой его не устраивала, так как она могла плохо сказаться на его карме и цепь перерождений, которая началась с древнейших времен, могла нарушиться. Он сказал, что должен поразить соперника, не причинив ему вреда. Лишь боги должны решать мою участь.

– Я наследник великого человека по крови. Наши кармы совпадают и сольются в единое целое в конце цикла перерождений, и я снова стану им, а он вольется в меня.

У Хань замолчал, ожидая, какой эффект произведут эти слова на меня.

– Я потомок Македонского, так считается в нашем роду издревле. Наш род идет от Искандера и одной из его наложниц из Согдианы. Я собираю его вещи всю свою жизнь, и никто не становился на моем пути. И тут вдруг появляетесь вы. Ведь вы купили сбрую ради забавы, чтобы выставлять ее напоказ перед друзьями, как дорогую экзотику, не более того.

Я молча кивнул.

– Вы должны были понять, – продолжал У Хань, – что игру, в которую вы попали, затеял не Узрамаев. Я его просто купил, он жаден и прост как серебряный пятак. Вы помните нашу с

вами первую встречу?

Я сделал изумленный вид, который однозначно говорил о моем непонимании происходящего.

– Мы с вами уже встречались, господин Марьяноуф, – выговорил он как-то странно, – причем два раза, сначала на Сардинии мы с вами были на одной вечеринке, и ничего не предвещало нашего дальнейшего знакомства, а потом пиратом на судне был я.

Конечно, этот предводитель пиратов был слишком самоуверенным, спокойным и рассудительным. Вот в чем дело, интуиция и тогда подсказала мне, что он не тот, за кого себя выдает. Конечно, как пират может отказаться от ста миллионов долларов. Это добыча за десять его жизней. Отказаться от ста миллионов. Меня это сразу должно было насторожить.

– Я и есть бог, – вдруг после паузы сказал У Хань. Я организатор той игры, в которую вы попали. Вы ведь думали, что это конкуренты гоняют вас по миру, ведь так?

– Да, – спокойно ответил я.

– Но я не конкурент. Просто у вас оказалось то, что принадлежит мне. Сбруя Буцефала, с его кровью.

Я с трудом верил в то, что происходило со мной прямо сейчас.

– В моем роду, – продолжал У Хань сохранилась легенда, что через тысячи лет за славой великого Искандера погонятся двое. Один его дальний наследник, другой наследник его идей. Он будет с Запада, как и царь Македонский.

– А почему эта сбруя так важна для вас? – спросил я.

– Она была бы не так важна для меня, если бы не одно обстоятельство. На сбруе осталась кровь Александра после ранения в Индии. Кровь нужна мне для анализа ДНК, только анализ может подтвердить, что я его потомок. Эта вещь для меня бесценна. Но вы перебили цену. Я не предполагал, что сбруя вызовет у кого-то такой сумасшедший интерес, и плохо подготовил брокера. Он не знал истинной ценности этой вещи и сдался после семи миллионов, не проконсультировавшись со мной. Я был в ярости. Но в преданиях нашего рода сказано, что я должен победить человека с Запада в честной игре.

Повисла тяжелая пауза.

И я разработал эту безумную игру, погоню за призраком. Ведь вам понравилось? – и он пристально посмотрел на меня.

Я ничего не ответил.

– Я сделал вам бесценный подарок, Марьяноуф, – он опять исковеркал мою фамилию на свой лад. Ведь вы человек, помешанный на вещах Македонского.

Вы должны были знать о «девице, несущей яд в чреслах своих».

– Да, – сказал я уверенно.

– Ну вот, я вам и сделал сверхъестественный подарок. Вы ведь собираете вещи Македонского, а я вам подарил женщину Македонского. Вы переспали с женщиной, которая генетически идентична той женщине, что спала с Македонским. Разве это не божественный подарок, вы и Македонский разделили ложе фактически с одной женщиной. Вы должны благодарить меня, Влади.

Он все знал о женщине, несущей смерть. Он нашел ее и подарил мне. Это он свел нас. Он считал, что на этом игра и закончится. Эсфира погубит меня, и все. Но я оказался живучим, и он усложнил правила своей игры. Видимо, в какой-то момент он решил посмотреть на своего соперника и появился в обличье пирата, чтобы остаться нераскрытым.

Потом он рассказал мне о легенде своего рода, где было сказано о человеке с черными как смоль волосами, черной бородой и зелеными глазами. Как я понял, он принял меня за этого человека. На Востоке зеленые глаза – вообще редкость и их обладатель считается человеком необычным.

Когда он увидел меня, он был поражен сходством с легендой и решил меня уничтожить, но всякий раз вспоминал о пророчестве. В пророчестве говорилось о честной игре, в которой выиграет достойнейший.

У Хань, видимо, не сомневался, что достойнейший – это он. Его уверенность была абсолютной, ведь он наследник по крови, а я всего лишь ищущий славы Македонского.

Наследие по крови он считал более весомым, чем наследие по духу. Кровь великого человека способна возродиться в великом потомке. Так было написано на роду У Ханя, и эта истина была сильнее и важнее любой другой истины в этом ненадежном мире.

У Хань замер, созерцая свое величие. Он был настолько уверен в своем превосходстве, что не испытывал ни тени сомнения в том, кого выберет колесо судьбы. Мне, конечно, польстило, что я стал на пути столь грандиозного человека и что он не пытается уничтожить меня, а предлагает честную битву. Еще из его слов я понял, что этой битвы он ждал давно. Это поразило меня окончательно. По его словам, о моем приходе и нашей с ним, пусть и не очень приятной, встрече было известно давно, и это событие было описано в древних текстах, которыми он обладал. Возможно, что У Хань и ошибся с выбором соперника, но выбор он сделал, и, значит, человек с Запада – это я.

Значит, я перевернул собственную жизнь не только по своей воле. Чья-то более могущественная и древняя сила подняла меня на крышу мира и теперь привела сюда для странной и непонятной мне до конца битвы. И моя страсть ко всему, что связано с великим Александром, не случайна. Энергия этого человека через тысячелетия влияла на жизни людей, соединяя их в единый энергетический поток.

Значит, мы одинаковые, мы из одного теста, мы сильные мира сего, мы те, кто правит народами. Мы не отличаемся друг от друга, мы равны, и нас разделяет лишь время, а во всем остальном я такой же, как Александр. Вот что взбесило У Ханя. Он один хотел оставаться наследником Македонского на земле. Вот почему он вел охоту на меня. В конце концов он мог перекупить за любые деньги мою коллекцию. Но он знал, что я всегда останусь таким же, как он, – равным великому человеку. И это У Ханя не устраивало.

Завтра мы испытаем судьбу, – сказал он, – если выиграю я, вы умрете, а сбруя станет моей, если вы, – у вас будет жизнь, женщина и сбруя Буцефала.

Я одобряюще кивнул.

– У вас есть, где остановиться? – спросил он неожиданно.

– Нет, – ответил я.

– Тогда оставайтесь в моем доме. До завтра он открыт для вас.

Вообще, я был абсолютно свободен в своих действиях. Я мог уйти и забыть об этом человеке. Да и Эсфиру я бы все равно нашел. Но что-то мощное и вселенское удержало меня в этот вечер. Жажда победы овладела мной. Раз я был игрушкой в руках этого человека столько времени, я не позволю ему продолжать игру на его условиях. Пусть завтра будет то, что будет, но я уверен в своих силах не меньше, чем У Хань.

То, что я до сих пор жив, означает только одно – я сильный противник. Я сломал игру У Ханя. Он хотел уничтожить меня быстро, даже не удосужившись взглянуть на меня. Но у него ничего не вышло, и теперь он вызывает меня на поединок сам, лицом к лицу.

Значит, я как минимум равный, а завтра, если я выиграю спор, я стану победителем. Мое тело и душа перешли в параллельные состояния. Страх не было вообще. Были только интерес и жажда справедливости. И это жало справедливости, больно въедающееся в меня, открывало другую истину мироздания.

Мне показалось, что я крепко заснул. Но здоровый сон быстро кончился, и я начал бредить. Мне снилось, как мы с У Ханем ведем поединок на мечах. Я уже ранен, правая рука окровавлена. Через сетку шлема я вижу только дикий оскал врага. Меч не слушается меня и впустую рассекает воздух. У Хань упреждает каждый мой удар, и в момент разворота его меч рассекает мне шлем посередине головы и...

Я резко пробудился от утреннего света. Голова раскалывалась, сил бороться не было. Невероятным усилием воли я встал с постели, принял душ, привел себя в порядок и сел в гостиной, ожидая приглашения У Ханя.

Через несколько часов мы сидели в самом убогом ресторане Бангкока, где готовили рыбу фугу, которую доставляли сюда из Японии. Вот так банально начался наш поединок. Мы, как два самурая, с ожиданием и ненавистью смотрели друг на друга. Мы провели в ресторане более пяти часов. К концу вечера я начал ощущать легкое покалывание в ногах и онемение в руках. Мне показалось, что рулетка богов остановилась и показала на меня. У Хань заметил мое

замешательство и тихо сказал по-английски:

– Ну, вот и все.

10

На следующее утро У Ханя увезли в клинику и после суток судорог и бреда он умер.

Так я выиграл странную дуэль. Не знаю, повезло мне или нет, но на всякий случай перед нашим ужином я выпил бутылку водки и хорошо поел. Конечно, водка не является противоядием от яда фугу, но защитные силы организма от пищевых отравлений она все равно повышает.

После смерти У Ханя Эсфира сама нашла меня. Когда мы встретились, нас толкнуло друг к другу с бешеной силой и мы позабыли обо всем. Когда все кончилось, я встал, закурил сигару и развалился в кресле.

Я выпустил тугой, пряный дым. В полутемной комнате сигара оплавлялась, как новогодние огни.

Всполохи на сигаре пробегали по кругу и переходили по спирали на следующий круг, на секунду выхватывая очертания богини-рабыни. Ее тело не знало большего удовольствия, чем удовольствие мужчины.

Теперь, когда мы соединились, я спросил ее:

– Как тебя нашли?

– Я не знаю, это мои братья решали все за меня.

Я долго молчал, потом спросил:

– Скольких мужчин ты оболестила.

– Не очень много, братья использовали меня редко, постоянно напоминая, что пора выходить замуж. Но при этом каждый раз говорили, что мужчина, с которым я встречалась, им не понравился и мы будем ждать другого. Я знала, что они обманывают меня, но у меня не было сил сопротивляться. Они все время говорили мне, что я не такая, как другие женщины, и люди не примут меня, отвернутся от меня. Они говорили, что я чужая в этом мире.

Она расплакалась, и мы долго молчали в темноте. Потом я обнял ее и задал вопрос, который мучил меня со времени нашей встречи:

– Что у тебя с половыми органами, Эсфира?

– У меня нет клитора и половых губ.

– Почему???

– У нас делают обрезание не только мужчинам.

– Но зачем?

– Женщина должна быть рабом мужчины, ей не нужно испытывать наслаждение, иначе она теряет контроль и не следит за наслаждениями мужчины.

– Значит, рабство? – глупо спросил я.

– Да.

– Но, теперь ты свободна, – сказал я с гордостью.

– Ты меня отпускаешь?

– Зачем ты спрашиваешь, ты свободна.

Мои слова не вызвали у нее радости.

– Ты чем-то недовольна?

– Свобода – это деньги и друзья. У меня нет ни того, ни другого.

– Уже есть.

– Друзья?

– Да, друзья и деньги в одном лице.

– Ты?

– Да.

– Но ведь я впустила яд в твое тело.

– У меня есть противоядие.

– Противоядия нет, – обреченно сказала она.

– Теперь есть.

После стольких скитаний по миру с женщиной, несущей ад и рай, я прибыл в Москву. Гламурные люди еще спали, когда ранним морозным утром я въехал в столицу. Жена с детьми, слава богу, отдыхали в Италии, и меня в столице ждал только один человек – Тверитинов. Он не спал и, как только я позвонил, выехал в лабораторию. В девять утра мы встретились у него.

– Влад, ты отдыхай, а мы займемся анализом.

Через несколько часов он разбудил меня.

– Влад, вставай, это потрясающе.

– Что, что такое?

– Открытие, вирус ходит по миру уже две с половиной, а может, и три тысячи лет. А может, он еще древнее. Понимаешь, просто он не распространялся. Люди в древности были не экспансивны. Они жили родами, общинами, кланами. Понимаешь, как это мудро. Все болезни умирали в одном роду или племени. Вирус явно мутировал, но не распространялся.

Вообще, нечто подобное можно было ожидать. Вирус, поражающий не отдельные части организма, а его защитную систему в целом. Его никто специально не изобретал. Глобализация мира, стирание границ, упрощение контактов между людьми разных рас и национальностей разнесли вирус по миру. Его родина – Африка, он пришел оттуда с эмигрантами, переселившимися в Европу.

– Да, я понимаю, – голова гудела от перемены часовых поясов и дикой невыспанности.

– В ее организме вирус просто живет, но не распространяется. Это известно нам уже лет двадцать. Тут ничего нового. Вирус, как в капсуле, плывет, передвигается по крови, но не внедряется в кровь. Когда капсула лопнет, никто не знает. У меня были пациенты, которые носили вирус пятнадцать-двадцать лет, а потом он проникал в кровь и все.

– Так, и что нас ждет? – спросил я глупо.

– Весь парадокс заключается в том, что ее вирус мутирует постоянно. Она заражена, но в какой-то момент происходит исцеление. Пока ее иммунная система справляется с мутациями, но полагаю, что после шестидесяти она начнет сильно болеть. Но сейчас, и это главное – ее кровь заражается и тут же вырабатывает защиту против вируса. И так вечная борьба. Но она в принципе здорова. Я взял у нее анализ крови, у нее третья группа, это меня обнадеживает, Влад. Я приготовлю вакцину для тебя.

Через пару часов Тверитинов зашел в свой кабинет, где мы с Эсфирой пили чай, с победоносным выражением лица.

– Думаю, что все получится, – сказал Тверитинов и сделал мне инъекцию. Оставайтесь в моей клинике, завтра сделаем анализ крови.

Утром я спустился в лабораторию, где меня уже ждал Тверитинов. Он сам взял у меня кровь для анализа и удалился в свой кабинет.

Я потерял ощущение времени и в полной прострации пробыл несколько часов. Я вернулся в нормальное состояние только при виде профессора, который, оказываясь, уже несколько минут тряс меня и с буйнопомешанным видом орал мне в лицо:

– Влад, я гений, Влад, получилось, Влад, ты здоров, ты слышишь меня з-д-о-р-о-в!!! Немедленно зови Эсфиру, ты меня слышишь.

– Да, – еле выдавил я из себя и потерял сознание.

Через два дня я отвез Эсфиру в Шереметьево. До вылета ее рейса Москва – Дели оставалось еще два часа. Я перевел на ее счет в делийском отделении «Сити-Банка» пять миллионов долларов. Она решила осесть в Индии, чтобы оставаться на Востоке, но в то же время быть незаметной для своих родственников. Мы горячо расцеловались, она в последний раз окунула меня в непроглядную бездну своих глаз и сказала:

– Прощай, эфенди, живи долго и счастливо.

– Прощай, Эсфира, удачи тебе.

Она молча кивнула и растворилась в толпе пассажиров. Я вышел на стоянку, сел в машину, и вдруг мысли о семье обожгли меня простым человеческим счастьем. Я рванул с места и помчался домой.

Итак, великий У Хань умер глупой нелепой смертью. Но эту смерть он выбрал сам.

Значит, он сам определил свою судьбу. Обстоятельства складываются в единую цепь событий только из твоих поступков и действий. Боги лишь следят за нами. У Хань перешел в иной мир по цепи созданных им же обстоятельств. И боги лишь зафиксировали его переход из одного несовершенного мира в другой более совершенный.

Правда от У Ханя осталось жало – Узрамаев. Но его быстро нашли мои детективы. Вот уже три недели после гибели У Ханя он находился в подпольном опиумном ресторане Бангкока в полном бреде. Его нервы не выдержали, и он нашел успокоение в наркотиках. Он не представлял больше никакой угрозы, и я оставил его в покое.

* * *

Через две недели Марина с детьми вернулась в Москву. Она так соскучилась, что в первую же ночь отдалась мне, как в первый раз. Я перепуганный позвонил Тверитинову и все рассказал.

– Влад, оснований для опасений нет, ты чист, как и раньше.

– Ты уверен, профессор?

– Более чем, наслаждайся женой.

Я настолько был счастлив, что позабыл о других женщинах. Все остальные женщины вдруг превратились в палитру художника, который смешал множество красок и не знает что с ними делать. Они все стали не нужными, в одно мгновение.

В Москве начиналась весна. Уже подул теплый ветер, и я представил, как через несколько месяцев залитый солнцем и радостью Сочи встретит нас. И не будет мира, людей, проблем, ничего не будет – только лето и Сочи.

2005–2006 гг.